

ОДИССЕЙ АРИСТИДОВИЧ
МУСТОПУЛОС

**ДИОСКУРИЯ-
ΔΙΟΣΚΟΥΡΙΑΣ**

Одиссей Мустопулос
Диоскурия-Διοσκουριάς

«Издательские решения»

Μυστοπουλος Ο. Α.

Диоскурия-Διοσκουριάς / Ο. Α. Μυστοπουλος — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-962328-7

Μой остров. Необитаемый остров возле мыса Горн. Одни лишь скалы остры
едва шум прибрежных волн. Сегодня ветер дикий с огромною волной
Во мне рождают крики стон в душе больной. И вал ползёт за валом
у скал. Прожил я здесь навалом до смерти устал.

ISBN 978-5-44-962328-7

© Μυστοπουλος Ο. Α.
© Издательские решения

Диоскурия-Διοσκουριάς

Одиссей Аристидович Мустопулос

© Одиссей Аристидович Мустопулос, 2019

ISBN 978-5-4496-2328-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Поэзия.
(Избранное.)
Я звоню тебе из Вены,
вот уже в четвёртый раз.
Идеал мой вдохновенный,
улетучился, как газ.

Прозябаю я в отеле,
словно римский комерсант.
А в дожди на той неделе,
невзначай, попал в театр.

Живописней нету сцены,
и какой звучал вокал.
Рядом чёрт порезал вены,
ну, и кончился шакал.

Посетил и оперетту,
и конечно Венский сад.
Бесподобные сюжеты,
довелось, там описать.

Впечатлений было море,
но беда совсем в другом.
Что душой, давно я болен,
и всё чуждое кругом.

Мне домой, давно охота,
надоела эта роль.
Ведь сухумское болото,
исцелит любую боль.

В этом точно убедился,
и на днях лечу назад.
Я в Абхазии родился,
мне она родная мать.

* * *

Одесса.

От базарной пристани
отчалил роскошный катер.
Ели смотреть пристально
то можно заметить Катю.

Катюша без ливчика
стоит за штурвалом.
Очень милое личико
Не сказать что шалава.

У неё стоячие груди
и аккуратная жопка
Недаром её любит
мафиози Жорка.

Вечером к пристани
подкатит лимузин.
Обожают Катю приставы
и губернатор области грузин.
Саакашвили ёлки палки.
* * * 16. 10. 2015г.

Я сидела на крылечке
защемило штот в груди.
Кто подарит мне колечко
тому дам разок туды.
* * *

У меня в семье дела
жинка тройню родила.
Три помножьте на три
девять девочек внутри.
* * *

По дороге в Бешкардаш
наробыла макияж.
Чуть подкрасила губки
и наложила румяна
В этой белой юбке
выйду замуж за Ивана.
* * *

Поезд Москва – Сухуми
отправляется через пять минут.
У кого в наличии большие суммы
стоит изменить маршрут.
* * *

Добавь немного соли
и горького перца.

Блюда из фасоли
возбуждают сердце.
* * *

Две руки, туловище, и две ноги.
Головы, как не было, так и нет.
Знакомтесь – это Я.
Сиганул из окна пятиэтажного дома
прямо в дождевую лужу на асвальте.
Отделался лёгким испугом.
* * *

Голодание.
С вечера на ночь не поел
и в час ночи лёг спать.
Проснулся от кошмаров в три
и напрямиком на кухню.
Съел там приличный кусок пирога
и тарелочку винегрета.

Выпил сладкий чай с лимоном.
Закурил!, – и почувствовал себя человеком.
* * *

Вечером сидели на лавочке
и лускали семечки.
Возле клуба пархали бабочки
сельские наши девочки.

Сейчас в клубе лекция
а потом индийский фильм
Привезли апельсины из Греции
продавать будет Ефим.
* * *

Дождик в декабре.
Стою один у окна
и смотрю на улицу.
Вдруг появилась она
мокрая, как курица.

Открыла входную дверь
и прошмыгнула в ванную.
Во мне проснулся зверь
и страсть безумно пьяная.
15.11.2013.
* * *

Он стоял на балконе
и плевался в толпу.
Поэтому графа Балконского
посадили в тюрьму.

* * *

Арбат.
С улиц убрали автомобили
гуляйте люди по Арбату!
Возле сквера собрались дебилы
митингуют и ругаются матом.

С ними две эксцентричные дамы
стоят совершенно нагие.
Их для столичной рекламы
целует Дмитрий Нагиев.

Весело бродягам и наркоманам
воздух пропитан афганской дурью.
Вдруг накрыло всех туманом
это киношники учудили.
* * * 2005 г.

Рассекает на рено
наш любимчик Мимино.
И по – прежнему, как танк
Кикабидзе Вахтанг.
* * *

Буратино.
(Новая версия.)
Это был концертный зал
и слегка харчевня.
Кто – то правильно сказал
выглядит плачевно.

Здесь имелась сцена
и играл оркестр.
А у входа неизменно
караулил мент.

Наша жизнь театр,
а мы все марионетки.
Представляю первый акт
бросьте мне монетки.

Кот Базилио и Мальвина
танцевали вальс Бостон.
Сладко пела мандолина
и дурел трамбон.

А злодей Карабас
приволок контрабас.

И на пару с Дуреманом
под удары барабана
исполняли джаз.

Приползла вдруг Тортила
с киллограммом тротила.
И с порога зашугала всех
Нужен мне Буратино
совершил он скотина
очень тяжкий грех.

А потом сгустила тучи
Золотой украл он ключик
поднял старую на смех.

Обрисую обстановку
зашипела черепаха.
Я прошла спецподготовку
научилась там бабахать.

Непристало крыть вас матом
объявляю ультиматум.
Разлетится ваш театр
я готова на теракт.

Из толпы возник Пьеро
Мне бумагу и перо!
Разрешу я ваш вопрос
напишу – ка я донос.

Тут вмешался Артамон
ментовской держа жетон.
Успокойтесь дорогая
мы поймаем негодяя.

Золотой найдётся ключик
а воришка срок получит.
Напишите заявление
мы раскроем преступленье.

Черепашка без прикрас
продолжала свой рассказ.
Иногда через болото
ходит Путин на работу.

Это был нелепый случай
обронил с моста он ключик.
Я его на дне нашла
разгребая тину.

В это время в камышах
ждал момента Буратино.

Ключик я в зубах держала
и спешила в Кремль попасть.
Мне важней всего держава,
а не ваш чумной театр.

Говорят, что папа Карло
проживает в Монте – Карло
любит женщин и вино
и играет в казино.

Проигрался на рулетке
и не может долг отдать.
Позвонил он малолетке
раздобыть просил деньжат.

Потому ваш бедный мальчик
цапнул ключик сгоряча.
Путин держит чемоданчик
А вот кнопке нужен пальчик
Не откроешь этот ларчик
без заветного ключа.

Вдруг на улице шумок
задрожал весь потолок.
Гул доносится мотора
это Путина контора.

Первым в зал влетел Шойгу
В кандалы всех и в тайгу!
Следом выскочил Медведев
Натравлю на вас медведей.

Покажите где артист
Самый главный террорист.
Альфа двинулась вперёд
все упали на живот.

Карабаса пнули в брюхо
и таскали за усы.
Дуреман от оплеухи
намочил свои трусы.

Громче всех орал Пьеро
ему вырвали ребро.
Я тут вовсе непричём
громко тьякнул Артамон.

Загляните за кулисы
и найдёте там подвал.
Есть у нас одна актриса
всем известная Алиса
я её вчера видал.

У неё там будуарчик
и шампанское рекой.
А усладой служит мальчик
деревянный он такой.

Альфа принялась за дело
извлекла с подвала тело.
Что за жуткая картина
Это был наш Буратино.

Его там Шойгу замучил
изымая силой ключик.
Так ментяра Артамон
заработал миллион.

А Алису опустили
и грехи её простили.
Черепaxe дали Орбит
и большой качан капусты.

Я вообще хотела орден
говорила она грусно.
А Мальвина после взбучки
находилась год в отключке.

Кот Базилио недавно
стал отцом пяти котят.
У мальцов глаза горят
и что самое забавно
все по русски говорят.

Вот и сказочки конец
а кто слушал молодец
* * *

Стотысячное войско
стояло у стен Кремля.
Сходил с ума Джугашвили Ёска.
горела под ним земля.
* * *

Домик в деревне

а во дворе бассейн.
Экзотические деревья
плодоносят все.

В огороде дыни
и поспел арбуз.
И питается ими
бутерьер Француз.

Рядом у Тараса
беспробудные пьянки.
Собираются на террасе
негритосы из Ямайки.

Направлю бутерьера
чтоб порвал им глотки.
Достану ружьё из шифоньера
и нажруся водки.
* * *

Его пуля не берёт
и огонь не помеха.
Песню вам сейчас споёт
внук мой Стасик Пьеха.
* * *

Хочешь ебаторию
– поезжай в Ефпаторию
* * *

Я проснулся на закате
и открыл окно.
Во дворе сидела Катя
в розовом манто.

У неё улыбка феи
и глаза горят.
Разбежалась с Тимофеем
год тому назад.

Я ведь тоже холостой
и могу жениться
Но вопрос непростой
как ей объяснить.

Приглашу её в кабак
и куплю ей розы.
Неужели я дурак
и не вышел рожей.

Может всё это незря
– занимается заря.
* * *

На теплоходе по реке Волга
плыл я целых четыре дня.
Ждёт меня Офлиди Ольга
мне она желанная родня.

Ольга разбежалась с мужем
и живёт теперь одна.
Ну и нахер я ей нужен
да и мне не нужна она.
* * *

Самолёт сорвался с места
и пошёл на взлёт.
В кресле спит моя невеста
сладкая, как мёд.

У неё большие зубы
и огромный рот.
Иногда свисают губы
когда сильно врёт.

По прибытию в Кувейт
получу евроконверт.
Я будить её не стану
а продам в гарем Султану.
* * *

Барбосы – придумали план Барбароса.
* * * 25 сеп. 2015 год.

На станции переполох
ждут все скорый поезд.
Едет в нём с женой Дибров
шоб он гадина подох.
* * *

Пьяный лётчик.

По тротуару бежал пилот
не вписался в поворот
Левым врезался крылом
а в итоге перелом.
* * *

На тротуаре возле клуба
я нашёл солидный кошелёк.

Там лежал железный рубль
депутатский мандат и значёк.

Переделал я мандат
вклеил свою фотографию.
И теперь я бюрократ
возглавляю мафию.
* * * четверг, 9 июня 2016 год.

Прощальная.

Умираю я тихо и скверно
но не так я хотел умереть.
А у моря и сидя в таверне
свои грусные песни допеть.

Что допеть. Я и петь не умею
а могу только жалобно выть.
Пусть слова мои ветер развеет
когда станут меня хоронить.

Жизнь прожил я и будто напрасно
отзвенела тоскливо струна.
Лишь мгновения были прекрасны
по неволе сойдёшь ты с ума.

Не найти нам на это ответа
и по волчьей протяжно завой.
Как истлела в руке сигарета
так и жизнь догорела золой.
* * *

Яблонька, яблонька
белая в саду.
Милая маменька
жить я не хочу.

Яблонька яблонька
на мою беду.
Изменяет мне Гришанька
с Дашенькой в саду.
* * *

Завтра теплоход из Сочи
отчалит в Афины.
А я не сплю все ночи
и мёрзну у камина.

Там порт побольше будет

чем наш грязнющий город.
Живут ведь празно люди
не ведая про голод.

Не знают что есть смута,
что есть на свете хаос.
Рассвет настанет утром
а я всю ночь каюсь.

Зачем я не уехал
кому теперь я нужен.
Мне право не до смеха
и с каждым днём всё хуже.

Помру на этой почве
и все меня забудут.
Письмо пошлю по почте
а адрес просто людям.
* * * Сухуми. 1994 год.

* * *

Мой остров.

Необитаемый остров
возле мыса Горн.
Одни лишь скалы острые
да шум прибрежных волн.

Сегодня ветер дикий
с огромною волной
Во мне рождают крики
и стон в душе больной.

И вал ползёт за валом
и гул стоит у скал.
Прожил я здесь навалом
и до смерти устал.
* * *

Осень в Азии.
Уста давно остыли
и только безумного лепет.
Да имена постылые
шальной доносит ветер.

Так печальна округа,
а осенний лист
Закружило пыльной вьюгой
под ветровый свист.

Замело тропу листвой
и рисунок осенний.
И забылся образ твой
злой судьбой рассеяный.
* * *

Осень в Каратау.
Опустел городской парк
и на лавочках пусто.
И сижу я один, как дурак
в одиночестве грусном.

Золотая опала листва
и на голых деревьях
Одинокая бродит тоска
и играет на нервах.
* * *

В парке музыка играет
девки пляшут и поют.
Меня парни обожают
только замуж не берут.
* * *

Река Гумиста.
Давай посидим у огня
и выкурим трубку мира.
Когда идёт война
хранит молчанье лира.

С великих гор Кавказских
несётся к морю Гумиста.
Сегодня здесь конфликт абхазский
и взрыво – опасные места.

По обе стороны мишени
и смерть гуляет вдоль реки
Здесь выясняют отношенья
простые наши мужики.
* * * Сухуми 1994 год

Восхождение.

Наедине с тоской
сидел печальный.
И вид морской
взывал отчаяньем.
Приснился пляж
совсем пустой.
И горный кряж
вдали густой.

Какой-то смысл
терзал сознание.
Витала мысль
творя дерзание.
Забытый бог
вдали лучистый.
И сладкий слог
сказаньем чистый.
Предвидя смысл
васего былого
Полез на высь
роняя слово.
Что вас не взял
виною робость.
Смотрю на зал
и вижу пропасть.
И взгляд застыл
при виде света
Скрываю пыл
в душе поэта.
Вот так и лез
забыв ненастье
Лишь горный лес
дарил мне счастье.

И вырвав слог
с глубин призыва
У ваших ног
я в час воззвания.
* * * Навои. 1976 год

Гимн России.

Вечереет и закат багряный
на твоих отразился щеках.
И стоишь ты козёл поганый.
весь напудренный и в шелках.

Неужели в Париже вся мода
и для уха нужен бриллиант.
И твоя подпитая морда
стоит ровно миллиард.

Ну и жизнь там у вас на чужбине
что никак я друзья не пойму.
Вон налилась багрянцем рябина
и берёзы стоят в дыму.

Здесь полей необъятные шири

и лесов горделивая стать.
И водяра в любом трактуре
стоит только пойти и пожрать.

Не нужны нам французские мази
и какая то фирма Шанель.
В сапогах мы гуляем по грязи
и военную носим шинель.

Нас умом никому не измерить
и душой никогда не понять.
Вот такие мы братец звери
а Россия нам Родина мать.
* * *

1997г. Орестиада.

Какая свежень и прохлада.
Какой в поэзии размах.
Пройтись с тобой аллее сада
и всё воспеть в стихах.

И облако достать рукой
и от души ласкать искусстно.
Лишь только в творчество покой
Великое бесценное искусство.
* * * 1976 г.

* * *

Передозировка.
Котик, – ты мой наркотик!, —
– сказала Люба, и дала дуба.
* * *

Над деревней Греческое
тарелка с инопланетянами.
Описали крюк над речкой
и сели в поле конопляном.

Оборвали шишки
и скосили всё поле.
Плакали Иван Шишман
и братан его Коля.
* * *

Иногда я смотрю на солнце
и ничерта не могу понять.
Глазами смахиваю на японца
а остальное подарила мать.

Отец мой покойник
возглавлял секретную службу.
Настоящий был полковник
и любил сыновью дружбу.

Погиб во Вьетнаме
когда мне было десять лет.
Привезли его прах в Майами
и поместили в семейный склеп.

Вырос я у бабушки на Аляске
а потом учёба в Италии.
Там сочинял я сказки
в обществе с девицей Наталией.

Неожиданный переезд в Германию
и злополучный город Берлин.
Где познал пагубность наркомании
и поцелуи русских балерин.

Посчатливилось встретить Настю
и закружился случайный роман.
Разгорелись любовные страсти
и родился сыночек Иван.

Проживаем семьёй в Алуште
и содержим конный завод.
Мать моя кореная хохлушка
в гости вас зовёт.
* * *

Зачем торжественность нужна
когда без цели все старанья.
Когда отглажена нужда
зачем нужны страданья.

Когда отдался весь
красе бы не наглядной.
Когда несётся весть
по истине нарядная.

Любовью нежил бы уста
и вас бы растворил.
Когда бы сделал не спроста
и дверь вам отворил.

Но что поделать друг
спешу себя утешить.
Притом ловлю досуг

стараясь дни потешить.

Привёл бы веские слова
речей бы целый куст.
И в миг яснится голова
а дом опять мой пуст.
* * *

Что позволяет жизнь?
Какие жалкие замашки.
Ты в поле чистом окажись
и рви отгадками ромашки.

Что позволяет дарованье
и мыслей бедных простота.
И быть в природе упования
когда здесь бездна пустота.

Когда грачи навеют грусть
и полон сад мятежный.
И так осыпан снегом куст
что взгляд порыва снежный.

Когда оставленный удел
и рвёшь покрова ночь.
Гляди безумец захотел
увидеть бога дочь.
* * *

Ты пишешь мне
а мысль другая
и кто воображение хранит.
Сегодня я себя ругая
познал тускнеющий гранит.

А камень этот вечно
сверкает блеском изумруда.
Я удаляюсь в бесконечность
моя знакомая подруга.

Я удивлю тебя Людмила
сказаньем нежных строк.
Я целовал бы губы мило
в порывах снежный срок.

Есть в жизни всякое течение
гниёт земной покров.
Я признаю одно влечение
и это есть любовь.

* * *

За окном слякоть
и врата до небес.
задушевную мякоть
будоражит бес.

Потревожен разум
и нарушен покой.
И вселяют заразу
то один то другой.
* * *

Ты поймешь Клара
словно божья кара.
На меня так давит небосвод.
И теперь не знаю
в жизни что признаю
и какой глотать мне кислород.

Вот порой иду
как больной в бреду.
Ощущаю просто мысли жар.
Словно бы еду
жру свою беду
Это очень сложный жанр.

Скоро ли конец
а я ведь отец.
Ты права ему нужна опека.
Что же я беглец
и видать подлец
Что кусок от плоти человека.

Пролетят года
жизнь моя вода.
Что по каплям вниз падает с крыши.
только иногда
вижу города.
Или Клара ты меня не слышишь.
Что же мне теперь
глянь как загнан зверь.
* * *

Спрятал чувства в карман
нет душевного покоя.
А кругом один обман
лаской грязного прибора.

Как слепой юнец
бьюсь о стены гладкие.
Подглядел бы творец
души наши галкие.

Кто плетёт эту сеть
дышет век презреньем.
Машет алчную плеть
всем на обозрение.

И возносится крылатый
силу слова ощутив
неужели непонятный
вам доносится мотив.
* * *

Люди все бумажные
и кажутся в заплатах.
А глаза какие влажные
так и хочется заплакать.

Почему то нужен плачь
или слёзы крупным планом.
Ты смятение припрячь
и взлети аэропланом.

Ощути своё в полёте
и скажи довольно грёз.
А в бумажном переплёте
капли капли горьких слёз.
* * *

Изнемогая от усталости
сошёл я с тропы.
Уж позади остались
проклятия толпы.

Под сенью кипариса
заманчивый тенёк.
И веришь мне Лариса
присел я на пенёк.

Вокруг такая прелесть
что за душу берёт.
А мне житьё приелось
и мочи нет вперёд.

Внизу огромной чашей
сверкает моря даль.

И всё же в жизни нашей
главенствует печаль.

И взгляд свой по неволе
отводишь на тропу.
Веками плещет море
а мне идти. Пойду.
* * *

Тысяча и одна ночь
и я невольницы герой.
Заклочена богини дочь
за той крутой горой.

И страсть что так безумно
воспламеняет грудь.
Любовь зажги опять Везувий
и освяти мой путь.
* * *

Славно горят поленья
и на душе тепло.
В такие милые мгновенья
живётся мне легко.

Таким хочу пижоном
и дальше тихо жить.
И с музой обнажённой
поэзии служить.

Но всё это не вечно
и славный мой костёр.
Погаснет бессердечно
а я лишь фантазёр.

Поверивший мгновенью
легко понять глупца.
Тепло подняло настроенье
и то не до конца.
* * *

Там лес и лес
златые горы.
И кто полез
роняя зори.

И кто зажёт
причуды света.
Нанёс ожёт

пером поэта.

Кто ослепил
куплета фразу.
И так слепил
её заразу.
* * *

К отплытию готовлю лодку
и знаю счастья не будет.
Надорвёт конопатая глотку
и со временем просто забудет.

Вдобавок адрес на конверте
и столь знакомые штрихи.
И странность разума поверьте
пишу экспромтом ей стихи.

Где подгоняю прежний стиль
и рву неслаженность морскую.
Опять на море тихий штиль
а я по прежнему тоскую.
* * *

Если я хромой и слеп
не беда дружище.
Не пойду домой а в степь.
там найду жилище.

там блаженство и покой
и не слышно криков.
В совершенстве я такой
и признание дико.
* * *

Море в двух шагах
плещатся там волны.
Здесь смятение на устах
и мотив мой сольный.

Пробуждается во мне
искренность поэта.
На морской пою волне
лирикой согретой.

Что печаль моя больна
не беда дружище.
Ведь на то она волна
чтоб её услышать.

* * *

Представляю таверню у моря
и лёгкий ветерок в твоих глазах.
И в нашем милом разговоре
легко тебе люблю сказать.

Люблю какое слово
и право мне смешно.
Хотя по истине грешно
тревожить чувства снова.

Любовь глубокой раной
живёт сейчас во мне.
И вот поэтому вдвойне
мне кажется обманной.
* * *

Очень тихо вокруг
и никакого житейского шума.
Лишь часов монотонный стук
и одна непутёвая дума.

Не даёт мне покоя и сна
и теряются трезвые мысли.
Что вблизи я похож на осла
у которого уши отвисли.

Очень рано познавший усталость
объегорил в итоге себя.
Что заметна никчемная старость
впрочем это уж точно судьба.
* * *

День за днём
протекает жизнь.
Знаем только жрём
вечерком ложись.

Протекает жизнь
и напрасны грёзы.
С женщиной свяжись
непренеменно слёзы.

И гнетёт тоска
изнывая душу.
Вот и смерть близка
покидаю сушу.

А в загробном мире
сладостный покой.
Яму мне пошире
и поглубже врой.

Чтоб не знали твари
где лежит поэт.
Точно черти сварят
дьяволу в обед.
* * *

Многим я тебе обязан
и готов залиться соловьём.
А в замен плачу словесной вязью
и горю пылающим огнём.

Вот судьба проклятая злодека
что выигралась выюга за окном.
В рюмку водочки налейка
помяни меня огнём.
* * * Посв. Ольге Офлиди.

Неимоверная злость
тревожит разум мой.
Я в этой жизни гость
судьбы своей слуга немой.

Кто дарит счастья подлецам
и благосклонность свыше.
Однажды скажет мой пацан
отец мой просто нищий.

Стараюсь всё таки понять
зачем живу на свете.
А в заключении опять
мои печальные сонеты.

Так подло замкнут круг
и нет нигде покоя.
За нытиё простите друг
схожу с ума порой я.

Придёт когданибудь денёк
и станет всё на место.
Души нетленный огонёк
пробудится маэстро.
* * *

За всё приходится платить

звонкой золотой монетой.
И трудно денюшку скопить
несчастному поэту.

Помимо денег суета
неймёт души порывы
И начинается с утра
денёк мой несчастливый.

Измотался весь истаскался
по дорогам твоим по пескам.
И себе я уродом казался
Дорогая моя тоска.

Не искал я в пути облегчений
собирая дорожную пыль.
Всевозможные видел лишения
и надеюсь покой заслужил.
* * *

Откуда берутся болезни?
никак я друзья не пойму.
Насколько бывает полезно
увидеть воочью тюрьму.

Не дай мне господь ужаснуться
при виде тюремных ворот.
По новой на нарах проснуться
и матом споганить свой рот.
* * *

Разве может гранит
вымолвить мне слово.
До придела я взволнован
что мне чувства хоронить.

Или может я в тумане
заблудился в этот день.
Упрекнёт ведь хулиганом
и исчезнет словно тень.

Иль не утренней росой
омываются поля.
Иль покрылися листвою
за оконцем тополя.

Иль весна тому виною
что глупа моя любовь.
Взбудоражила волною

в сердце пламеную кровь.
* * *

Любовь моя мне очень трудно
искать тебя в тиши.
И голосом простудным
читать тебе стишки.

От нашей прежней страсти
остались только угольки.
При встрече скажешь Здравсте.
и не подашь руки.

А осенью ненастной
томит меня печаль.
Прости моя прекрасная
и пригласи на чай.

Забывать былое можно
но как унять печаль.
Почти что невозможно
уйти от женских чар.

Любовь моя мне очень трудно
искать тебя в тиши.
И голосом простудным
читать тебе стишки.
* * *

Любовь, – ручей
журчащий меж камней.
А взляд её очей
безмолвие ночей.

Приди любовь ко мне
и дай мне исцеленье.
В душе моей томленье
а сердца стук сильней.
* * *

Позволь мне упасть в кресло
и перевести с дороги дух.
Ну как жила ты интересно.
какой тебя клевал петух.

Прошу подробностей не надо
и чепуху мне не гони.
Ведь вы на всё способны ради
и скука вам без любви.

Понятно всё и не понятно
зачем тебя я так любил.
когда держал в своих объятьях
и ночи нежные дарил.

Теперь спокоен я свободен
и надо думать дальше жить.
всем говорить что я в разводе
и что мечтаю полюбить.

Любой на то имеет право
поскольку жизнь у всех одна.
Любовь ты горькая отравы
и нужно пить бокал до дна.
* * *

В комнате тепло и уютно
а за окном свирепая зима.
Рядом спит моя Анюта
и храпит во сне змея.

Что ей снится непонятно
и зачем во сне шуметь.
Пятым месяцем брюхата
это ж надо так суметь.
* * *

Старый я стал и немощный
и куда подевалась удаль молодецкая.
Раньше стрелой пронизывал в небе сокола
кулаком мог убить быка рогатого.

Старый я стал и немощный
и куда подевалась удаль молодецкая.
От стакана водки пьяный в стелечку
а что было с вччера утречком не помнится.
* * *

Не даёт мне покоя
шаловливая грусть.
Чуть глазёнки открою
и по новой напыюсь.
* * *

Впервые я открылся так серьёзно
и словно юноша признался вам.
Склонила кроны милая берёза
и ветерок прошёлся по ветвям.

Впервые я признался так нелепо
что белый свет давно не мил.
Любовь моя видать ослепла
а я так искренно любил.

Что болен я и неизбежно
вся жизнь сплошной дурман.
Кого теперь целую нежно
и обнимаю чей обман.

Прильну к устам её проклятым
и горький яд безумно пью.
Так неужели не понятно
что я вас искренно люблю.
* * *

День я ждал прошёл другой
не дождатся мне ответа.
Друг желанный дорогой
ты прости поэта.

Что тебе сказать сегодня
милый свет Татьяна.
может заповедь господня
нам казалась тайной.

Возлюби и будь подвластна
всем желаниям мужчины.
Драгоценной стань прекрасной
самой яркой из жемчужин.

В этом мире полупьяном
всё дозволено богами.
Так что милая Татьяна
обменяйся адресами.
* * *

Твоё мочание
сведёт меня с ума.
Невнятное мычание
какие глаза печальные.
Зачем молчишь кума.

И ласкою горячей
согрел её уста.
Она тихонько плачет
и требуют полста.
* * *

Всей пламенной душой
излить желаю чувства.
Сказать хочу ещё
что мне милей искусства.

Ваш нежный взгляд
и ослепительные очи.
Ещё хочу сказать
что я люблю вас очень.

Кто ваш поэт
и божий кто debil..
ведь я на склоне лет
впервые страстно полюбил.
* * *

Общее свидание в тюрьме.
Глаз твоих вееры
постоянно теряю.
Ты уже поверила
что стёкла протираю.

И дышу теплом
и руками трогаю.
За таким стеклом
станешь недотрогой.
* * *

Какой густой лес
и промеж ветвей пушистых.
Едва пробивается свет
а воздух божественно чистый.

И мысли хладит ветерок
роняя на землю куплеты.
вокруг никово одинок
лиць видом твоим отогретый.
* * *

Раньше вся земля
казалась мне сущим раем.
Но пришла ко мне зима
в середине мая.

Яблонь белый дым
разметало вьюгой.
Стал совсем седым
и реву белугой.

* * *

После стольких бессонных ночей
забился я в дремотном сне.
Привиделось мне Чёрное море
прислышался шум морской воды.

Ласкало слух волны плесканье
и затаив в груди дыханье
ловил чарующий мотив.
Хотелось петь и славить бога
что жизнь поэту подарил.

* * *

В памяти далёким эхом
перекликаются женские имена.
Упивался я тогда успехом
что постыли нынче времена.

Всё ушло кануло в бездну
и тоска уже который год.
Преподносит пакости любезно
и к земле сырой нещадно гнёт.

* * *

Болен я неизлечимо болен
и жизнь мне тягостна теперь.
Давным давно ещё в неволе
я был затравленный как зверь.

В душе моей погасло пламя
и опостылел белый свет.
Годами я дружил с волками
и видел очень близко смерть.

* * *

Потерял я на время покой
после нашей нежданной встречи.
На твои мне желанные плечи
и на руки смотрел с тоской.

Дорогая моя пропажа
чем наполнить бокал пустой.
Азиатские пейзажи
от любви моей холостой.

* * *

Горбачёвщина.
Артист умирает на сцене

и жалобно мне говорит.
Свалиться разок бы на сене
борща бы разочек сварить.

Люблю я деревню за это
а город одна суета.
Вот помню в прошедшее лето
созвала на отдых сестра.

Приехал а там загляденье
а воздух какой благодать.
Обеды одно объеденье
а здесь уж привык голодать.

На что мне паршивые лавры
когда подтянул я живот.
И бьют монотонно литавры
Кто скажет зачем он живёт.
* * *

Уже которые сутки
гложет меня тоска.
И дым столбом от самокрутки
висит пониже потолка.

В соседней комнате
спокойно спит моя семья.
Я тоской порядком тронутый
давно сошёл с ума.
* * *

В столице всё тихо и спокойно
а мне до утра не уснуть.
Полуживой лежу почти покойник
ходячий словом труп.

Всё в этом мире тленно
и мой черёд настал.
Неуж то жил и вдохновено
по числам жизнь свою листал.

Теперь конец такой печальный
что просто оторопь берёт.
Блгодарю тебя начальник
ух ты паразит проклятый.
* * *

Дрейфующий сейнер
и полярные ночи.

Неужели Север
лучше Сочи.

Снова гроши
и тоска монет.
А парням хорошим
счастья вроде нет.
* * *

Показался экран
и вот дальние страны.
Где страстей океан
описанием страный.

Где морская волна
оголила прибрежность.
И любовью полна
лиры чистая нежность.
* * *

Поминки.
С утра бабка Меланья
замесила тесто.
Пироги пошли румяные
словно девицы невесты.

Вечерком собрались гости
и уселись за столом.
Бригадир колхозный Костя
и районный агроном.

И конечно дядя Федя
заунывный гармонист.
И поэт Мыкола Бедный
по призванью реалист.

Всё собранье было в сборе
и гулял чесной народ.
Под конец решили хором
скарулесить хоровод.

У печи стоит Меланья
и косится на порог.
Мужичок её недавно
съел отравленный пирог.
* * *

Горе мыкаю
и слыву горемыкой.

А в подземном царствии
чиркаю спичками
чтобы увидеть твои черты.

Ты ли родилась
для счастья семейного.
Ты ли любовь
иль мученье моё.
В царствии подземном
черти нафыркали
и отобрали моё
золотое кольцо.
* * *

Анна милая Анна
что нам день грядущий.
Излиянье чувств из раны
вот весь смысл идущий.

Что мне день изгнанья
или радость жизни.
Кто судьбу мою изгладит
раны тяжкие залижет.
* * *

О старый Гомер
уже ли покорил я высь.
Признаниям моим поверь
и из веков ко мне явись.

Сыграй пленительный Орфей
мне чтонибудь из прошлого.
И ты сомнительный Морфей
из усыпительницы пошлого.
* * *

Я один из тех
кто штурмом брал Берлин.
И даже расписался на Рейстаге.
ведь был тогда успех
значительный один.
Победа!, и не просто на бумаге.

Считаю что полвека
господствовал российский лапоть.
И всем нам припиваючи жилось.
Двусмыслена была опека
поболее себе оттяпать.
И мне однажды тоже довелось.

С войны поковником
ушёл в отставку.
И поселился барином в Ростове на Дону.
Было спокойненько
в полковничей папаше.
На всём готовом и с доставкой на дому.

Бывало в праздники
накинешь китель.
Огнём пылают ордена.
А я проказник
до всего любитель
Особливо до белого вина.

Швырял нелево
и швырял направо.
И многих хлопцев пережил.
Со мною рядом
воцарилась слава
и я ей предано служил.

Но вот в России перемены
и покатила манька кувырком.
Куда девался пыл мой вдохновенный
и незабвенный наш Обком.

Служу опять и многим не повадно
какой тернистый мне достался путь.
Всегда я в кителе парадном
на выкате моя шальная грудь.
* * *

Глухо ахнул выстрел
и пока рассеялся дым.
Передвинулись быстро
к берёзкам молодым.

Вновь прямой наводкой
резанули по броне.
Вдруг запахло водкой
что обезумели вдвойне.

А стршина татарин
кричит давай снаряд.
А танки словно твари
ползут как на парад.

Горит зелёная трава

и стонет рядом тѣска.
Ему прощальные слова
шептала нежная берѣзка.

За стоном братский стон
и всё вокруг померкло.
Четыре года адский сон
то пагубное пекло.
* * *

Афган.
Беглый огонь
по нашим окопам.
Схоронился майор
а за ним вся пехота.

Шумно пули свистят
и гуляет костлявая.
Рядом трое ребят
навсегда жизнь оставили.

И лежат на земле
словно скошены маки.
Им троим по звезде
подарили собаки.
* * *

Пальмы в ряд и кипарисы стройные
на сваях кофейня дышет прохладой.
Разливаются споры вот и возгласы застольные
приглашаю вы садитесь рядом.

Чашку кофе пейте Гляссе
сигарету Филипп Морес.
Посидим поточим лясы
и по маленькой заквасим.

Стар и млад спешат напиться
кофе чёрное. Мне саде.
Нам бы в Турции родиться
и мечтать бы в Акаре.

Надоели эти лица
повседневный застольный базар.
По ночам нам кофе снится
и всех спорящих азарт.

Это жутко сидя где то рядом
сигарету курить Филипп Морес.

Пью я кофе Гляссе скучным взглядом
и плюю с терассы прямо в море.
* * * 1975 год.

Суета сует
и печальная мумия.
Ты откуда поэт
говори из Сухуми я.
* * *

Самолёт пузатый
чуть коснувшись полосы.
Добежал до белой хаты
а потом спустил шасси.
* * *

Уже неделю туман
и не видно солнца.
Опять пустой карман
у бедного эстонца.

Куда не кинешь взгляд
зеркальные витрины.
И чешет пальцем зад
хозяин магазина.
* * *

Племянница Кристина
пригласила на крестины.
Веселись хоть до утра братва.
Мужичок из Элевсины
со стола умял маслины
Следом шустро кончилась халва.

Шум стоял невероятный
и какой то муж неверный
Обнимал пониже пояса приятеля жену.
Всё кружилось в танце
кроме двух засранцев
что жевали тихо сидя на полу.
* * *

На до мною небо
и чумазы облака.
Из Сухуми а Ганахлаба
гнал я ишака.

Возле Красного моста
светанули палкой.
Незаметил я поста
и козлов с мигалкой.
* * *

Невыносимый запах черни
неописуемый здесь смрад.
Сорвал досуг вечерний
и жлю тебе мой брат.

* * *

Обозвали седым
молодого поэта.
Снова курится дым
а в руке сигарета.

* * *

Сбился с курса самолёт
и упал над лесом.
Виноват во всём пилот
с городу Одесса.
* * * (Авиакарастрофа в Греции в 1997 году.)

С утра приятель Лёва
ловил на пристани ершей.
Сегодня нет на море клёва
и не клюёт вообще.

* * *

В погребе дома
стоял бочонок рома.
Приложил я к дырке губы
без сомнеья это с Кубы.

* * *

Туфли одел новые
и сразу попал под дождь.
Погода стоит хреновая
и слякоть мерзостная сплошь.

* * *

Ты всегда во всём права
а я виноват постоянно.
Догарают в печи дрова
в этом доме поганом.

* * *

Унизительно быть рабом
а дураком ещё хуже.
И бейся о стену лбом
никому ты не нужен.

Вот поэтому милые дамы
не плодите на свет голытьбу.
Неизбежны житейские драмы
проклянёте однажды судьбу.

* * *

Ненавижу кровать
и призераю подушку.
мне в порстель ядрона мать
подложили царевену лягушку.

* * *

С моря подул штормовой ветер
и волны заиграли чешуёй.
Далёкий гул раскатами ответил
и в даль унёсся над землёй.

* * *

Уже которые сутки
не прекращается дождь.
Скучают в баре проститутки
и сутинёр их Жорж.

* * *

Над крышами домов
клубится чёрный дым.
Догарают в печи поленья дров
подложи ещё парочку Ефим.

* * *

Уже которые сутки
льёт дождик за окном.
С огоромной лужи утки
скандалят с петухом.

А куры целой кучей
забились под навес.
Черны сегодня тучи
и дождик льёт с небес.

* * *

Утром прокукарекал петух
и заблеяли барашки.
У ворот стоит пастух
в ситцевой рубашке.

Попросил воды напиться
налила ему молока.
Хочет он на мне жениться
но молчит пока.

Стану я ему женой
и рожу сыночка.
Будет он ходить за мной
и просить сосочка.
* * * 2018 год.

Ах ты зона проклятая зона.
Будьте прокляты вы лагеря.
Засиделся вчера у Кабзона
а в кармане теперь ни рубля.

* * *

Жил в степи глухой

маленький тушканчик.
На него напал глухарь
и теперь он петуханчик.

* * *

Сердце каменое
а мозги деревянные.
Шлёт привет вам пламенный
солдатик оловяный.

* * *

Дочь моя Кристина
вышла замуж за грузина.
И теперь моя кровинка
Леся Украинка
* * * (Грузино украинские отношения.)

Рядом за газоном
в траве сочной.
Лежат два робинзона
из города Сочи.

На траве пустая бутылка водки
а на бумаге хвост селёдки.
Несколько банок из под пива
выглядит очень красиво.

* * *

Я поковник Кучка
вернулся с войны домой.
А жену мою сучку
обнимает в спальне домовой.

Выхватил я наган
и шамльнул два раза.
Домовой попал в капкан
и скончался сразу.

А жена моя тигрица
изменила позу.
Посмотрел на ягодице
я увидел розу.

Бросил в угол я фурашку
снял в прихожке сапоги.
А под утро мы с милашкой
ели с мясом пироги.

Домового расчленили
и в кадушке засолили.
Кости выброшу я в реку.

много ль надо человеку.

* * *

Отдых в горах Кавказа.

Пархар.

Воспоминания об этих днях отдыха высоко в горах Кавказа, оставили в моей памяти, незабываемые впечатления на всю мою оставшуюся жизнь. Можно сказать, что мне тогда крупно повезло, как счастливчику, которому было суждено летом 1968 года, увидеть Кавказские горы и по достоинству оценить их сказочную красоту и величие. Приехав, как обычно на летние каникулы домой, отец мой, Аристид Афанасьевич, заявил мне – Что пойдёшь со мной, и с дедом, в горы попить Нарзан. Завтра у нас заканчиваются все приготовления, и дед с лошады и провиантом, будет поджидать нас, у подножия горы, откуда и берёт начало тропа, уходящая к источнику. К деду мы поедем на автобусе, который едет в Келасури, а там дальше на конечной остановке, у меня с ним назначена встреча. Сможешь осилить этот переход соглашайся, а если нет, то оставайся дома. Добираться до источника около двое суток, и придётся идти пешком, потому что у нас всего одна лошадь. Выслушав отца, я не задумываясь дал согласие. На следующий день, мы с отцом, сели в пригородный автобус, и благополучно добрались до места. Как и было условлено, наш дед, был уже там с Мальчиком, так он ласкательно называл свою лошадь. На крупе этого бедного животного, покоился перетянутый ремнями и верёвками, неимоверного размера груз, который и должен был придать нашему отдыху, благоприятное существование. Оказывается, мои родичи неоднократно, в конце лета поднимались к Нарзану, веря в целебные свойства этого источника, который начинал бурлить, именно в конце августа. Тропа, по которой мы стали взбираться в горы, резко пошла на подъём, и была узкой и трудно проходимой. Следует отметить породу лошади, специально предназначенную, для таких переходов в горах Кавказа. Это необыкновенное, и очень выносливое существо, способно было тащить на себе тяжеленный груз, и передвигаться по горным тропам, не уступая в проворности диким козлам. Иногда дед Афанасий, утомлённый ходьбой, взбирался верхом на своего любимца, а тот получая двойную нагрузку, как бы играючи, продолжал свой нелёгкий путь. В такие моменты, не желательно было идти в конце цепочки, а наоборот следовало находиться спереди Мальчика, потому что на крутых виражах из под хвоста бедного животного в атмосферу, выбрасывалось большое количество выхлопных газов, отчего нарушался размеренный шаг пешего строя. Пройдя, приблизительно 3 км. пути, дед Афанасий слез с лошади, и подойдя ко мне сказал – Пойдём, попьём воды из родника. Это здесь, совсем рядом от тропы. Отойдя с десятков шагов в лес, он быстро нашёл родник, и зачерпнув из неё полную кружку, протянул её мне со словами. – Эти родники нашли наши греки, пасшие здесь своих коз, ещё при царе Горохе, а до Нарзана их будет ещё с десятков. С каждым разом вода будет намного вкусней, и прохладней. И на самом деле, содержимое кружки, оказалась мне райским напитком, с редкими вкусовыми ощущениями. Возле родника, дали возможность Мальчику отдохнуть, после чего снова тронулись в путь. Лес в этих местах наблюдался молодой, и редкий, с однообразием пород деревьев, и кустарников. Иногда наша тропа проходила, вдоль горной реки, с привлекательными лужайками, и полянами для отдыха, но дед Афанасий, нисколько не реагировал на эти красоты, и надо было идти дальше. К вечеру пройдя км. 10, пройденного пути, мы осилили несколько возвышенностей, на одной, из которых нам предстояло заночевать. Здесь, на этих горных вершинах, прорастали нигде не виданные мной раньше растения, и удивительные по красоте цветы. Местами попадался на глаза, талый снег и ледниковые озёра, с очень чистой, как слеза водой. Это и был Пархар, своеобразный дачный посёлок из деревянных домиков, – по истине рай земной, выбранный нашими предками для семейных отдыхов. Мы без проблем отыскали балаган моего дяди Константина, старшего брата моего отца, где нас радушно встретили, и накормили. В деревянном домике, называемое

балаганом, имелись две комнаты, сколоченные по старинке. Передняя комната служила кухней, а вторая спальней, где имелась огромная деревянная нара, на которой всем всегда хватало места, а на ночь подушек и тёплых одеал. Вечер, и часть ночи мы скоротали при свете керосиной лампы, слушая удивительные сказки дяди Константина, адресованные детям, которых в балагане было несколько. Помимо умения рассказывать, он обладал ещё талантом импровизатора, что придавало обычным сказкам новизну, и сценическую привлекательность. Спустя годы, уже после смерти Константина Афанасьевича, мне пришлось упрекнуть себя в легкомыслии, что не записал его сказки, и не дал им достойную жизнь. Рано утром следующего дня, наспех накормив отдохнувшего за ночь Мальчика, мы вновь продолжили своё восхождение к источнику. Горная тропа к Нарзану от Пархара, как выяснилось потом, оказалась намного сложнее пройденного нами отрезка пути, по причине крутых подъёмов, и тающих ледников на перевалах. Как правило, каждый перевал, имел свой собственный ледник, лежащий на нашем пути протяжённостью до ста, и более метров. Медленное таяние ледника, образовывало многочисленные ручьи, которые стремительно убегали вниз по склону, чтобы сродниться там, с могучим потоком реки Бзыбь. Как и было обещано, дед Афанасий по мере следования по тропе, показал мне все свои родники, а из последнего, пить ледяную воду, было просто невозможно. Здесь на перевалах, чаще на крутых поворотах тропы стали попадаться нам окопы времён Отечественной войны 1941 – 1945г. Всюду на земле валялись отстрелянные гильзы и дырявые армейские каски. Местами рядом с тропой наблюдались обложенные камнями, безымянные могилы убитых красноармейцев, которые летом 1942 – 1943г., бились на смерть с отборной немецкой дивизией Эдельвейс.

Чусио.

Приблизительно к трём часам, дня оставив позади последний перевал, и могилы безымянных красноармейцев, мы очутились на равнине. Передвигаться Мальчику стало намного легче, и мы с отцом, ускорили шаг. Пройдя таким пешим макаром, несколько км., мы вышли вплотную к реке Бзыбь, и увидели всякий мост соединяющий два берега. Противоположная сторона берега реки, красовалась сплошной стеной дремучего леса. На крохотной поляне стоял пастуший балаган с деревянной изгородью, служивший наверно загоном для скота. Пройдя мост, который при нашей переправе, раскачивался в разные стороны, дед Афанасий, видя мой измотанный вид сказал. – Остался последний подъём. Через два часа мы будем на месте. Там и находится источник наз. Нарзаном, а местность эту наши греки окрестили Чусио. За этими высокими вершинами, что ты видишь перед собой, находится Северный кавказ и Кубань. Взяв на одном дыхании последний подъём, мы наконец то завершили своё восхождение. Первым делом, освободили Мальчика от поклажи, а потом все трое пошли поглядеть на источник. На первый взгляд, это был обычный родник, обложенный с трёх сторон камнями. Но здесь, откуда – то из недр земли, на поверхность пробивалась вода, с пузырьками газа, наполняя водоём живительной влагой. Далее, источник убегал вниз по склону, образуя ручей. Камни на дне водоёма, и ручья имели огненно – красную окраску, от избытка наверно в химическом составе воды примесей железа. Вкусовые качества этой минеральной воды, с первого раза, не располагали к частому её употреблению, но отец мой, и дед, с удовольствием выпили по полной крушке каждый. Невдалеке от источника, уже находились три палатки с отдыхающими, и чтобы не терять времени даром, и успеть к закату солнца, мы соорудили шалаш, накрыв его напоследок большим целофаном. На ночь каждому из нас, досталось ватное одеяло, и вопрос с жильём, был окончательно решён. Дело в том что Пархар, и Чусио, издавна славились своим курортом, и кроме греков, проживающих в городе Сухуми, и в её сельской местности, никто другой, и понятия не имел о таком виде отдыха, в горах Кавказа. В знойные периоды лета, греки отправляли сюда своих стариков и детей, а чтобы поправить им здоровье, непременно

пригоняли с собой скот, используя альпийские луга, как пастбища. Молочные изделия, приготовленные в этих местах, по вкусовым качествам, и ароматным свойствам, не имели себе равных, и пользовались повышенным спросом у отдыхающих. Здесь, можно было купить у сельчан, мясо, молоко, сыр любого вида, и даже кукурузную муку, для приготовления мамалыги. Такие продукты, как хлеб, водка, и табачные изделия не курсировали в продаже. Утро следующего дня, началось у меня с подъёма на завтрак. Рядом с шалашом, уже горел костёр, над которым дед Афанасий что-то готовил в казане. Он подошёл ко мне, и в приказном тоне сказал. – Вставай и быстро умываться. Скоро мамалыга будет готова. Я нехотя встал и пошёл умываться. Буквально в нескольких метрах от Нарзана, находился ещё один источник, но с обыкновенной родниковой водой, служивший отдыхающим, в чисто бытовом плане. Невдалеке, чуть выше от подземных источников, с отвесной скалы, на огромную каменную глыбу, вниз падал водопад, разбрасывая вокруг себя, и на многие метры, мельчайшие брызги воды, и свежую прохладу. Закончив с обзором местности, и туалетом, мне ничего не оставалось делать, как поспешить на манящий аромат настоящего сливочного масла, исходивший со стороны нашего шалаша. Сваренная мамалыга, уже была вывалена из казана на чистый лист фанеры, и нашпигована со всех сторон ломтиками копчённого сыра сулугуни. А на макушке этой горячей мучной массы в углублении, сделанной ложкой, таяло вышеупомянутое мной масло, завораживая окружающий мир аппетитным ароматом. Кушать мамалыгу надо было руками. Днём, как обычно, я пропадал у водопада. Купался, или загорал на солнцепёке, слушая музыку из транзистора, который идеально ловил здесь, все самые популярные радиостанции всего мира. Однако шли дни, и однажды я вдруг заметил, что вокруг Нарзана вырос целый городок из палаток, и шалашей, наподобие нашего. Подсчитывая их количество, я обнаружил около ста двадцати палаток, с вновь прибывшими отдыхающими, желающими попить Нарзан. Некоторые лица мне были знакомы по г. Сухуми, но основную часть палаточного городка, составляли сельские жители. Вечерами курортный городок преображался, и жил другой жизнью. Мужики, где – нибудь на открытой полянке, собирались группами и резались в карты, играя в бб, или в скамбил, ставя в банк, как и положено в таких случаях, не деньги, а проиграную водку. После распития спиртного, начиналось самое настоящее музыкальное представление, сопровождаемое игрой на кемендже. Вокруг импровизированной сцены, собирались поглядеть на своих хмельных мужей, вторая половина человечества, а самые бойкие из них, веселили народ пляской и шуточными куплетами. На десятый день нашего проживания у Нарзана, в гости к нашему шалашу пожаловал на своём коне дядя Константин, который привёз деду табак, и водку, и ещё какие – то продукты. Табак, употребляемый дедом для курения, относился по своей родословной к Трапезундским сортам, и был настолько терпким, что я порой закуривая сигарку, принимал устойчивую позу, чтобы не свалиться на землю. На исходе дней нашего отдыха в Чусио, отец мой, как – то вечером сказал мне. – Послезавтра у нас с утра намечается спуск к Пархару, а потом через сутки, возвращение домой. Двадцать дней достаточно для отдыха. Я отчётливо понимал, что навряд – ли ещё разок мне доведётся увидеть красоту этих гор, так глубоко запавших мне в душу. С другой стороны хотелось домой в Сухуми, к суетной жизни города, и к прелестям Чёрного моря. За день до нашего возвращения к Пархару, я попросил у отца разрешение, на самостоятельный спуск к висячему мосту, сославшись на желание половить в реке рыбу. – Хорошо так и быть, – получил я добро от родителя. – Заночуешь в пастушьем балагане, который находится рядом с мостом. И не забудь взять еду, и куртку. Не дай бог замёрзнешь, там ночью. Прихватив с собой всё, что требовалось, и леску с крючками, которые дал мне накануне дядя Константин, я навсегда покинул Чусио. Размах моих шагов, при спуске к реке можно было бы сравнить с тройными прыжками олимпийского чемпиона Саньева. Такого прилива сил и энергии, в своём организме я не ощущал больше никогда, в своей жизни. Нарзан за эти дни, дал мне очень многое, и даже с избытком про запас. Почти играючи, я скатился к реке, и отыскал в лесу своё временное пристанище. Балаган пустовал, и я

был безумно рад такому обстоятельству. Наладив удочку, и отыскав под листьями дождевых червей, я спутившись к реке, и попытался поймать золотую рыбку. Никакого ожидаемого эффекта в течении получаса. Здесь, при таком стремительном потоке воды, река Бзыбрь, оказалась дикой и своенравной. Другое дело, когда я ловил рыбу в низовьях, и там не было таких убийственных течений реки. Оказавшись в довольно дурацком положении, я вдруг увидел трёх мужиков, шедших из леса по направлению к реке. Они подошли поближе, что позволило мне разглядеть их физиономии. Нетрудно было определить, что это были славяне. Лица бородатые, и у каждого рюкзак и ружьё за спиной. Один из них держал в руке лоток для мытья золота, а другой бородач сжимал в правой руке удилище, а в левой кулан с рыбой. Они поздоровались первые, сказав мне, что являются геологами. – Вы не подскажете мне, как в этой реке ловится рыба?, – обратился я с вопросом к рыбаку с удочкой. – Что – то у меня ничего не получается. Мужик посмотрел на мою снасть, и не сказав ни слова, стал переделывать её на свой лад, нацепив на леску свой поплавок. – А на какую наживку ты ловил?, – поинтересовался он. – На дождевого червя, – поспешил я с ответом. Рыбак усмехнулся, и пояснил – Ловить форель надо на кораеда. Пошли со мной. Отойдя немного в лес, он быстро нашёл поваленное дерево, и подойдя отодрал с неё рубашку. Под корой, и на голом стволе валежника, находились белые черви называемые кораедами. – Вот, на них и надо ловить форель, – произнёс он, устремившись к реке. Остальные двое, молча курили в сторонке, и не торопили своего друга. – И ещё запомни главное, – продолжал он поучать, нанизывая наживку на крючок. – К воде необходимо всегда подкрадываться, чтобы не испугнуть рыбу. А забрасывать надо под какой – нибудь камень, совсем близко от берега. Вторично в одно и тоже место не бросай, а постоянно меняй позицию, перемещаясь берегом реки. Говоря всё это, рыбак в считанные секунды, вытащил из воды рыбу, и протягивая её сказал мне. – Ну вот, а теперь лови сам. Запомни, наживка от поплавок, не более 20 см. Я сердечно поблагодарил геологов, и долго ещё смотрел им в след, пока они не растворились в лесу. Следуя урокам рыбной ловли, я шустро наловил несколько рыбёшек, и сделав кулан, прихватил их с собой. Начинало смеркаться, и мне пришлось поспешить в балаган, чтобы заготовить себе на ночь дров для костра, и приготовить ужин. Деревянный домик, в котором мне предстояло провести ночь, вполне соответствовал всем требованиям, нелёгкой жизни пастухов. Возле нары из досок, имелось место для разведения костра, и даже дымоход зияющий дырой на крыше. Учитывая прохладные ночи в горах, и присутствие рядом реки, я натаскал в балаган побольше дров, и приготовил себе на костре рыбу. Было вкусно и приятно. Подложив себе под голову куртку, я растянулся на наре, и крепко уснул. Проснулся я наверно, часика через два, окоченевший от холода. Костёр мой едва горел, сизым пламенем, мигая мне в темноте крошечными угольками. Пришлось снова налаживать с огнём, пока пламя не разгорелось, как следует. Поглаживая на прожорливые языки огня, я впал в какое – то дурацкое умиротворённое состояние, абсолютно не замечая того, что запасы моих дров улетучиваются на глазах. Ничего не подозревая, я прихватил с собою спички, и вышел за дверь в кромешную тьму леса, в надежде найти там дрова, и продержаться с костром до рассвета. Плутая вслепую в темноте, я неожиданно напоролся на изгородь, и чтобы слегка оглядеться, чиркнул спичкой. Вспышка огня, только ослепила меня, и вдруг рядом со мной, раздался дикий крик, вспорхнувшей птицы, который и был сигналом, для полного пробуждения всего зверья в лесу. Со всех сторон доносился хруст ломающихся веток, и топот бегущих ног. Следом раздался ужасающий вопль и ещё какие – то звуки, напоминающие звериные разборки по пожиранию друг друга. Очумев от страха, я стоял словно поражённый молнией, не соображая ничего. Потом видимо сработал инстинкт самосохранения, который позволил мне развернуться на 180 градусов, и пулей влететь обратно в балаган. Я закрыл наглухо дверь на задвижку, и ещё долго не мог прийти в себя. Стоял и думал одно, что дожидаться рассвета без костра, смерти подобно. Выждав паузу, я снова решил штурмовать темноту, и долго не мешкая, открыв дверь, набросился на изгородь, затащив значительную её часть, вместе с кольями, себе в ноч-

лежку. Проснувшись утром, я вновь занялся рыбалкой держа под прицелом тропу, на которой должны были появиться мой отец и дед Афанасий верхом на Мальчике. Вскоре они появились, и я доволен результатами рыбалки, шагнул навстречу деду, и спросил его. – А что мне делать с рыбой. На что мне старик ответил. – Выброси её назад в реку. В дороге она непременно испортится. Надо торопиться, и чем раньше мы дойдём до Пархара, тем лучше для нас. Переправившись через мост, на другой берег реки Бзыбь, мы благополучно одолели спуск, и ровно в шесть часов вечера были уже в балагане у Константина Афанасьевича.

В ту пору, моему деду Афанасию Исааковичу было 78 лет, и жил он со своей старухой Ефросиньей, на своей горе, куда он вернулся в 1958 году после сталинских репрессий. Гора, на которой раньше проживал весь наш многочисленный род, за период высылки греков подверглась варварскому нашествию, со стороны новых переселенцев из Менгрелии, которые не желали селиться высоко в горах, и обрабатывать в угоду Советской власти, такие огромные участки земли. Поэтому чтобы не платить государству налоги, и всякого рода подати, менгрелы в частности на горе Мустопуло (Ти Мустогли то раши,) разрушили все греческие дома до основания, спилили под корень фруктовые сады, и засыпали камнями и всяким бытовым хламом колодцы, с питьевой водой. Основными местами для проживания, они избрали пустующие греческие дома в г. Сухуми, и в её области. Некогда греческое село Кума, было переименовано на грузинский лад, и стало называться Шрома, что в переводе на русский язык, означает труд. Кто мог тогда подумать, что во время войны абхазов за свою независимость, против грузин в 1991 – 1993гг. именно в селе Кума пройдут самые жестокие бои, за взятие г. Сухуми. История в этом случае расставила все точки по своим местам. Летом 1972 года после непродолжительной болезни скончался у себя на горе дед Афанасий. Народ всё пребывал и пребывал. Проститься с ним, особенно в первый день, пришли трапезундские армяне, из соседнего села Цукуровка, знавшие деда не один год. Во дворе дома на длинных самодельных столах стояли глиняные кувшины с красным вином и закуской. Стояла летняя жара и хотелось пить. Взяв со стола кувшин с вином я уединился под орехом и налил себе стакан. Вино было прохладное и очень вкусное. Сам того не замечая я за несколько минут осушил весь графин. Через полчаса последовало лёгкое воздушное опьянение что не мешало мне мыслить и вести себя пристойно. Это вино дед Афанасий сделал специально для своих похорон. Приготовление прекрасного вина в нашем роду считалось традицией, и секреты виноделия передавался следующим поколениям. О чём и говорит фамилия Мустоглис. Через два месяца после похорон деда Афанасия молодой виноградник выращенный им возле дома зачах и высох. Бабка Ефросинья прожила ещё год после смерти мужа и тоже померла. Покоятся мои старики по отцовской линии на греческом кладбище в селе Кума которым я со временем уделил внимание и поставил памятники. Да будет земля им вечным домом. Пусть не оскудеет память человеческая глядя на многочисленные могилы наших предков разбросанные по всему белому свету. Вечная им память.

* * *

Дед Афанасий прожил долгую и красивую жизнь. Он родился в 1890 г. у своих родителей которые поселились на этой горе в 1850 г. приехав из Трапезунда. Село в Турции где раньше проживали предки моего деда наз. Мустогландо и находилось это поселение в местечке Санда. Там было семь сёл. В 1912 г. дед был призван в царскую армию и воевал с немцами в Первую мировую. В двадцатых годах прошлого столетия принимал активное участие в помощи греческим беженцам бежавшим от произвола турков. Он наделял им земли и участки леса для строительства домов на своей горе. Помогал семьям хлебом и семенами для будущих урожаев. Пользовался уважением и авторитетом среди греков. Потом Вторая мировая война и истребительный батальон. Следом за всем этим десять лет прожитые в ссылке в Казахстане. Вернувшись в Абхазию он как настоящий мужик восстановил постройки своего разрушенного дома и стал выращивать для государства табак. Благо столетний сад на его участке чудом уцелел.

Всё сам и никогда ни у кого не просил помощи, даже у своих сыновей. Пример для подражания скажете вы. Нет он был посто человеком.

Под ногами галька
и морской песок.
Рядом лежит Галка
лакомый кусок.

На морском песочке
мы зачали дочку.
Через годик Галка
высохла как палка.

Яйца.
Рядом взорвалась мина
буквально в десяти шагах.
Все осколки пролетели мимо
а один запутался в штанах.

Упал я от боли в канаву
и зарылся носом в песок.
Сразу вспомнил Нюрку шалаву
и её противный голосок.

Провожала меня на вокзале
когда я уезжал на фронт.
Напоследок она мне сказала
береги свои яйца Федот.
13. 0 1. 2 0 1 7 г.
Ангелы спустились на землю
и раздают всем добро.
Мне досталось целебное зелье
очень похожее на гавно.

* * *

По реке плыл окурок
рядом с удочкой сидел придурок
И попался на крючок
его величество бычок.

* * *

Раньше я жил в пещере
и питался сырым мясом.
Называли меня Кощеем
высочайшего класса.

* * *

Склероз.
Пошёл покакал
а пописать забыл.
13. 02. 20017г.
Снова мороз на улице

пробирает до костей.
Жинка моя умница
погнала своих гусей.

Ты сходи Семён за хлебом
и купи молока.
В магазине сроду не был
всё валяешь дурака.

Вот дружок твой Кошкин Толик
взял червонец у меня
Он несчастный алкоголик
а жена его свинья.

Целый день сидит на лавке
и кусает всех подряд.
Говорят что курит травку
а потом жрёт шоколад.

* * *

Шнурок.
Получил сегодня шок
на туфле порвал шнурок.
Туфли мои новые
а шнурки хреновые.

Обвязал туфлю верёвкой
и зашёл в соседний бар.
Подошла ко мне воровка
я её всю ночь видал.
Туфли мои новые
а шнурки хреновые.

Просыпаюсь на диване
нету хримата в кармане.
На полу лежит воровка
и грызёт моя морковка.
Туфли мои новые
а шнурки хреновые
2. 02. 2017г.

Всадник.

По дороге столбовой
мчится всадник удалой.
Скачет конь голопом
и виляет попой.

Перед вывешкой Трактир
тормознул богатырь.

Захотелось ему водки
пересохло в глотке.

Привязал он коня
и вошёл в заведение.
Я гонец Короля
молвил он с призреньем.

Поднесли ему стакан
водочки столичной.
И застыл истукан
в позе нерпиличной.

Огляделся вокруг
и нахмурил брови.
В зале восемь подруг
занимались любовью.

Подошла к нему Марго
пригласив на танец.
Заиграл оркестр танго
и запел голодранец.

По дороге столбовой
мчится парень молодой.
Скачет конь голопом
и виляет попой.
* * *

Всю ночь трещала кровать
лопались стальные пружины.
Она многодетная мать
а он чернокожий мужчина.

Через месяц к ней во двор
залетела тучка.
Довела тебя любовь
собирайся сучка.
Там на небе Петя спит
ему тоже нужен Спид.
* * *

Рыжая.
С Любой я познакомился на танцах
и сразу влюбился, как болван.
Представился я иностранцем
и купил ей в киоске банан..

Волосы у Любы рыжие
а на щеках цвели веснушки.

Какая она девочка бестыжая
возмущались её подружки.

Носила туфельки из лака
и повязан на шейке платок.
Облизал я её, как собака
и домой к себе уволок.

Через месяца два нагурация
заявилась ко мне её мать.
У Любаши нема минструации
и давай меня обнимать.

Целовала зятка в лобешник
обещая красивую жизнь.
Подарила на свадьбе подсвешник
и потрёпанный временем джип.

Родилась рыжеватая Доча
а потом и сыночек Костя.
Нам по кайфу город Соча.
и домишко в местечке Хоста
приезжайте летом в гости.
* * *

Неужели я вижу сон
продолжительный и страшный.
Стол на несколько персон
с овсяной и постной кашей.
* * *

Иногда на глаза
наварачиваются слёзы.
Понимаю что нельзя
жить на полном серьёзе.
* * *

Служитель муз
Сергей Есенин.
Козырный туз
притом осенний.
* * *

Шаг и ещё шаг
и вниз ведут ступени.
Безмозглый ты ишак
и лопухий гений.
* * *

Любовь быть может
доживает последние дни.
Зачем всеильный боже
погасли милые огни.
* * *

Задули снежные метели
а на душе лежит тоска.
Средь бела дня меня раздели
и обманули дурака.

* * *

Ведь бывает встретишь кралю
и душа занует вновь.
Удивишь своей печалью
и игрой не нужных слов.

* * *

Какая скверная погода
то хлещет снег то град.
А по заснеженной дороге
бредёт российский депутат.
* * * (Пред. компания 1989 г.)

Под окном твоим
я пою серинады.
Ароматный жасмин
оболдел у ограды.

* * *

Крепким сном уснуло море
а прибрежная волна.
Захлебнулась с ветром споря
и на дно легла.

* * *

Холодный ветер
срывает листья с тополей.
Нещадно ветви треплет
и гнёт к земле сильнее.

* * *

Спать бы да спать
и не просыпаться вовсе.
Лето красное проспав
захватить бы даже осень.
* * * (Мечта заключённого.)

Ничего я не могу с собою поделав
и куда надевать эту горечь во рту.
Все надеюсь понятное дело
что по жизни без вкуса иду.

* * *

Всю ночь бомбили город
горел в огне соседа особняк.
А он сидел на лавке полуголый
и матерился как дурак.

* * *

Земля моих отцов
и древних моих предков.
И что же я в конце концов
стихи слогаю редко.

* * *

Я безумно люблю
твои сладкие губы.
И лесной аромат
белокурых твоих волос.
Знаю точно родная
что друг друга мы любим.
Но признаться нам в этом
лишь сейчас довелось.

* * *

Весна.
Какая блаженная тишь
и воздух какой чудотворный.
И капельки падая с крыш
мотив создают стихотворный.

* * *

Всю ночь меня штормило
кидало по волнам.
Ещё разок Людмила
прильни к моим губам.

* * *

Поиск должен быть поиск
иначе жизнь теряет смысл.
Иначе отойдёт желанный поезд
и навсегда уедет мысль.

* * *

Не знаю что мне делать
куда от всего бежать.
На этом свете белом
легко лишь в гробу лежать.

* * *

Чужая душа потёмки
Ах зачем мне чужая душа.
Когда уж в свою душонку
порой разобраться нельзя.

* * *

Я не могу влачить существованье
мне не сильна эта роль.
Жизнь мне природы дарованье
а жизни дар сплошная боль.

* * *

Человек так странно создан
что вся жизнь его борьба.
Но бывает очень поздно
говорит о том судьба.

* * *

Судьба моя судьба
что делать мне поэты.
В кармане ни рубля

лишь жалкие монеты.

* * *

Не говори мне больше ничего

устал тебя я слушать.

Твоё грузинское харчо

притивно стало кушать.

* * * (Рускогрузинские отношения.)

Чем дальше в лес

тем больше дров.

Ты прав мой Гесс

сказал Адольф.

* * *

Уже которое время

ничерта не лезет на ум.

Отвези меня Емеля

на свое печи в Сухум.

* * *

Через подземный переход

вышел я к базару.

Продавал чесной народ

всякую заразу.

* * *

Тоска какая?

Она без конца

и без края.

Как пшеница

в чистом поле.

Морем колосиста

горем голосиста.

* * *

Кто такие янки?

Петухи и лизбиянки.

*

Тяжело Яшке

в собачей упряжке.

*

Что такое радость?.

Это здоровый образ жизни.

*

Гомик, – это сексульный комик.

*

Живёт и в ус себе не дует.

Большой живот себе надует.

*

В жизни минутка, – проститутка.

*

Все дороги ведут в Рим.

(Запомни это Ромеос.)

*

Одно ко одному
лишь мне одному.

*

Отколол однажды номер
взял дурак и помер.

*

Я вам не чета
таких у чёрта дочерта.

*

Жизнь проклятая, – голь перекатная.

*

Бездельник, – это человек без денег.

*

Турок, держал в зубах окурок.

*

У табачного киоска
стоял Джугашвили Ёска.

*

На лесной опушке
стоит избушка.
В ней живёт хомяк.
Вечерами лёжа на подушке
смотрит он порнушки
и глотает с апельсинами коньяк.

Заседает наш хомяк
в госудатственной думе.
У него большой кабак
в городе Сухуми.

* * *

Мне на завтра сложи чемодан
уезжаю опять на Канары.
Я над тундрой лечу в Магадан
прямиком на железные нары.

Не забудь положить мне махряк
и полтонны цейлонского чаю.
И всё будет родная нишмяк
за слова я свои отвечаю.

Через годик забуду Москву
и тебя дорогая подруга.
Будет выть нагоняя тоску
за окошком голодная вьюга.

Какнибудь отсичу свой трояк
и вернусь я к тебе на рассвете.
И всё будет родная нишмяк

если ты меня с радостью встретишь.

А Канары видать далеко
и напрасно я жил в Магадане.
На прощанье махну всем рукой
и со справкой уеду в кармане.
* * * (Семск. Посв. Ольге Офлиди.)

Перестук колёс и поезд мчится
из Москвы в далёкий Магадан.
Еду я на сварщика учиться
а в камане у меня наган.

Я его достал в Мытищах
и патронов взял на тыща.
В Магадане жизнь малина
там сестра живёт Марина.

У неё мужик ментяра
а зовут его Котяра.
Он на прииске начальник
сомородки прячет в чайник.
Обещал он мне зарплату
мне бы сварщиком ребята.
* * *

С немецкой девочкой Мартой
я учился за одной партой.
Носила она школьную Форму
а на шейке нежной
воротник с кружевами помню.

На восьмое Марга
подошла ко мне Марга
и улыбаясь сказала.
– " Мальчик!, так и быть
научу тебя любить.»

А потом в городском парке
у пруда кормили хлебом
стаю белых лебедей.
Мне пришлось признаться Марте
что с девчонками я не был
а готов скреститься с ней.

Кувыркались мы на небе
и всё время целовались.
Мне оно сейчас не треба
только в памяти осталось.

Позвонить желаю Марте
ей и мне не мало лет.
Есть в кармане телекарта
автомата рядом нет.
* * *

Путешественник Конюхов.
Переплыл я Ла – Манш
на резиновой лодке.
Мне помог лаваш
и бутылка водки.
* * *

Пригласил я свою девчонку
полетать на воздушном шаре.
Прихватила она собачёнку
по кличке Шарик.

Заплатил я грузину
ровно двести баксов.
Первые в корзину
залезли Волочкова и Басков.

На высоте птичьего полёта
произошла утечка газа.
Освободились от помёта
Волочкова и Шарик зараза.

Приземлились на брюхо
в кукурузном поле.
Вылезай старуха
сказал Насте Коля.
* * *

Некрасов.
Повесть.
(Часть первая.)

Трудно найти в России человека, кто не был бы знаком с творчеством великого поэта Некрасова. Ещё в раннем детстве, мы по учебнику лит – ры в школе, проходили его, и помним наизусть эти строки. – Гляжу поднимается медленно в гору, лошадка везущая хворосту воз. Некрасов, – он и есть Некрасов. Повествование пойдёт о другом человеке, никоим образом не связанным родственными узами, с поэтом эпохи возрождения крамолы на Руси. Говорить будем о простом русском парне, а точнее, о нашем современнике, носящим точно такую-же фамилию.

Детские годы и отрочество Некрасова Павла Геннадьевича, прошли в пригороде г. Свердловска, в небольшом рабочем посёлке, который находился рядом с заводом Металоконструкций города. В былые годы, здесь на пустырях, заводское начальство распределяло земельные участки для своих рабочих. Мать Павла – Елизавета Васильевна, работая на этом предприятии

крановщицей, получила помимо участка, ещё и готовый финский домик, в котором и поселилось

м-во Некрасова. Немаловажным фактом для получения всего этого добра было и то обстоятельство, что Елизавета Васильевна была партийным лидером на заводе, искренно верившая в победу коммунизма. Даже заводское начальство слегка побаивалось её, за резкие выступления на партийных собраниях. Жизнь и достаток в семье Некрасова, складывался по тем временам, как нельзя лучше. Дети незаметно подрастали, и почти одновременно пошли в школу. Павел был старше своей сестры Анюты, всего лишь на один год, и он всячески, начиная с раннего детства опекал сестру, и заботился о ней. Вскоре судьбе было угодно, отнять у детей отца, и дальнейшая жизнь Павла Некрасова, обросла сиротскими воспоминаниями.

Воспоминания о прошлой жизни, порой, захлёстывали сознание молодого парня, и не давали ему покоя. Павел отчётливо помнил пионерский галстук, который он частенько таскал в кармане своих штанин. Помнил рогатки и особенно дробовики, которые он конструировал, и изготавливал на заводе, куда притащила его мать, в пятнадцатилетнем возрасте, определив его в слесарную мастерскую. А из далёкого детства ему запомнилось, как они с Анютой, ходили зимой в школу подстёгиваемые лютым морозом и злой вьюгой. Память это своего рода копилка снов, когда однажды увиденное и пережитое, оставляет неизгладимый след на жизненном пути каждого человека. Павел прекрасно помнил, и тот случай, когда они трое друзей, после выпускного вечера в школе рабочей молодёжи, купили у старика Силантия бутылку самогона, и испили её всю до конца. Силантий дал им на закуску немного самосада, и выпроваживая их сказал. – Идите домой пацаны. Уже поздно. Родители будут беспокоиться.

Стояла глубокая летняя ночь, и заводской посёлок дремал, мигая тусклыми уличными фонарями. А чуть дальше на улице Ленина, возле площади Джерджинского было светло как днём. Здесь друзья присели на лавочку, и стали крутить самокрутки. В неумелых руках у ребят самосад соскальзывал с газетки и падал на асфальт. – Были – бы папиросы что – ли. Другое дело. Как курить охота – пробурчал кто – то из друзей. – И купить нигде нельзя. Магазин закрывают, как всегда в десять. – А что Пашка давай разобьём стекло в Сельпо и возмём себе по пачке Беломора, – предложил друзьям самый весёлый и находчивый. – Ну да разбить. – возразил ему Пашка. – Там – же решетки на окнах из арматуры. Попробуй их сломать. Лучше всего обойти магазин со двора, и сбить амбарный замок на двери, который ведёт в подсобное помещение. – Давай, так давай – дружно подхватили пьные ребята. Сказано – сделано. Таким образом, друзья проникли в Сельпо, и набрали там, на табачные изделия, где на видном месте красовался Беломор – Канал. Они взяли себе по пачке папирос, а так- же три бутылки водки, хлеб и колбасы, которую нашли в холодильнике. Захватив все эти продукты они вернулись на лавочку к памятнику Феликсу Эдмундовичу и прогудевав там до утра, разбрелись на рассвете по домам.

Наутро весь заводской посёлок, только и говорил о краже. – Уже который раз грабят магазин, и что только не вынесли черти – судачили по углам старушки. – Одежды сколько дорогой, и барахла разного импортного всякого. Посчитай на целый миллион будет. Сейчас, там следователь из прокуратуры со своими хлопчиками, и ревизор приехал из центра. Нетрудно было догадаться, что помимо ребят в магазине, побывал ещё кто – то другой, орудуя в резиновых перчатках. Через неделю юношей арестовали, и увезли в город для следственных экспериментов. В камере предварительного заключения, усердствовал оперативник из банды дознавателей. Допрос, следовал за допросом. – Куда дели краденое жулики. Сгною на Калыме, – орал он, как чёкнутый, и бил кулаками ребят по голове, выколачивая признания. – Поди и комсомольцы. Паршивцы вы эдакие, – бесновался служитель закона, так и не выяснив ничего с бараклом. В итоге следователю, пришлось сфабриковать уголовное дело, и пустить его самотёком в судопроизводство. На третий день, юношей отвезли в Свердловскую тюрьму, разбросав их, по следственным камерам.

Жизнь в тюрьме, у новоиспечённых преступников протекала, как в пионерском лагере. Здесь они и познали азы уголовного мира, а в дальнейшем мало чем отличались от основной массы этой разношерстной публики. Однажды вызывали Некрасова к следователю, который ничего не спрашивая, попросил Пашку поставить подпись на бумаге, о завершении следствия, и так- же молча, удалился прочь. Ровно через три месяца, состоялся суд. Ребятам дали по пять лет каждому, с отбытием срока заключения, в лагере усиленного режима с выплатой иска, разделив всю сумму на троих. На суде громко плакала мать, и рыдала Аня. А ещё через три месяца, Некрасова и его друзей, этапировали в лагерь усиленного режима, который располагался в Свердловской области. Там заключённые лагеря, работали на стр – ве гигантского сооружения, имеющее по завершению, какое – то военное назначение. Днём там работали заключённые, а ночью горбатили солдаты. По прибытию в лагерь, Некрасова и весь этап новеньких, отвели в штаб колонии, и раздали всем ведра и половые тряпки. – Будете мыть полы в кабинетах, и в коридоре. Чтобы было везде чисто, и всё блестело – изрёк молоденький лей – нт из режимной части, в окружении дюжих молодчиков из активистов коллонии. Кто не согласен с постановлением нач. лагеря майора Полянского может отказаться, и не мыть полы. – Я отказываюсь. И не знаю, как это делается – возразил Некрасов. – Не знаешь – научим. Не хочешь – заставим!, – ответил Павлу куманёк, и по – боксёрски стукнул паренька в челюсть. Кто – то слева из активистов коллонии дал Пашке палкой по спине. Потом мордovorот справа, дубиной огрел его разок, и понеслась беспридельщина. Избитого и окровавленного бунтаря, отволокли в изолятор зоны, подарив ему для начала пятнадцать суток. Кто мог знать, что режимная часть в этой зоне, ставила перед собой основную задачу, сломить любыми методами волю и достоинство человека. Одним словом сделать из человека настоящую сволочь. Буквально, на второй день, после отсидки из изолятора, Пашку во дворе жилого барака, подзвал к себе лейтенант, который избивал его в штабе коллонии, и ехидным голосом сказал ему. – Некрасов, почему ты разгуливаешь по территории лагеря, в домашних тапочках. Знаешь – ли ты, что это является грубейшим нарушением, режима содержания коллонии. Сказав всё это режимник напрягся, и хотел снова врезать Пашке в челюсть. Но на этот раз всё произошло совсем иначе. Опережая ситуацию, Некрасов нанёс любителю бокса, мощнейший удар в глаз, от которого куманёк брякнулся на землю, и лишился чувств. Избивали менты Пашку, долго и старательно. После повторных пятнадцати суток изолятора, его определили в бур на полгода, исключая, тем самым возможность, выйти ему в будущем в жилую зону. В сравнении с тюрьмой, этот лагерь для Некрасова, оказался сущим адом, и что самое печальное, он своей непокорностью, попал в чёрный список неисправимых, и подлежал административному суду в коллонии. Вскоре против него возбудили уголовное дело, вменив ему статью за избиение офицера лагеря, который находился, при исполнении служебных обязанностей. Приезжал к Некрасову в зону следователь, из какого – то пятого отдела. В разговоре с Павлом был вежлив, и дал ему пачку сигарет. Разрешил курить, а сам что – то записывал, поминутно смаркаясь в носовой платок. Закончив с писаниной, он сказал заключённому. – Послушай Некрасов, что я тебе скажу. Припаяют тебе к твоему сроку, ещё один год, и отправят в крытую тюрьму. По ходу и режим содержания изменят. В любом случае тебе Некрасов, с этой зоной придётся распрощаться. Да и к тому – же, – эта зона голодная и беспридельная. Здесь в этих бумагах, что я написал, ничего лишнего нет. Нужна лишь твоя подпись молодой человек. Пашка, не глядя расписался. Через два месяца его осудили, и как говорил следователь, добавили год к его неотсиженному сроку, поменяв режим содержания на строгий. Сказал следователь, и как в воду смотрел. Вскоре Пашку из Свердловской тюрьмы, этапировали в Пермскую область на лесоповал.

Урал – это средняя полоса России, где природа сохранила свои первозданные красоты, и несметные богатства. Здесь, как и на севере страны, располагаются крупнейшие промышленные центры росиян. Тайга таёжная, и трудно проходима. Чтобы доставить лес потребителю, государству нужна рабочая сила, и разумеется очень дешовая. Для таких целей Мини-

стерством промышленности при содействии М. В. Д. были и соданы сети трудовых лагерей с заключёнными существующие и по сей день. Если лететь самолётом из Перьми до Ныроба, то такой полёт на лёгком воздушном транспорте займёт у вас не более часа. Под крылом кукурузника отчётливо просматриваются просеки леса спиленные заключёнными. Всюду тайга и всюду квадратики. В городе Ныробе, как раз и находится Главное управление по добыче леса в Пермьской области под началом которого функционируют лагеря с людьми лишёнными самых элементарных человеческих прав.

Основным и единственным транспортом в тайге считаются мини – поезда, а если по народному то это мотовозы и кукушки, скользящие с вагонетками по узкоколейке, вглубь тайги порожняком, а назад со спиленным лесом. Движение составов по узкоколейке, контролируется тоже заключёнными, имеющими вольное хождение. Всё довольно просто, и выгодно государству. Лагеря в тайге хорошо охраняются солдатами М. В. Д., проходящими здесь действительную военную службу. Обычный армейский горнизон живёт в казармах, рядом с жилой зоной для заключённых. Жилая зона, где содержатся каторжане обнесена наглухо колючей проволокой, и прочими угрождениями. По периметру вышки, где маячат часовые, с прожекторами и пулемётами. Офицеры, в отличии от солдат, живут более комфортабельно, чаще в отдельных деревянных домиках со своими семьями, с магазином, а порой, и со школой. Лагерный посёлок в тайге, это нигде не отмеченная точка на карте лесных массивов страны российской.

Коллония куда этапировали Некрасова, именовалась на языке заключённых – «Самой дальней командировкой,» – и была затеряна далеко в глуши леса. Из Ныроба, его и ещё нескольких бедолаг, более суток доставляли к месту отбытия срока. Ранним декабрьским утром, Павел впервые увидел свой новый лагерь, и лес, плотной стеной торчащий, перед самым его носом. Высокие гигантские деревья, своими заснеженными макушками, казалось подпирали хмурое, уральское небо. Было очень холодно, и мёрзли у Павла ноги. Необъяснимая тоска, злой волчицей вокралась, в его юнную и легко ранимую душу. После дороги, им вновь прибывшим, выдали робу и отвели в баню помыться, после чего, в столовой накормили постной, овсяной кашей.

– Ну, что голубь ты наш Некрасов! Будем знакомиться. Моя фамилия Дубов, и я являюсь начальником учреждения, дробь такая – то, – мать его так. Капитан взял в руки Пашкино дело, и на минуту углубился в чтение. – Ты я гляжу, с усиленного режима, прямиком сюда, минуя значит крытку. А почему так получилось? Да ты видать, парень неплохой, – стал он с интересом вчитываться в досье заключённого. Но одно запомни Некрасов навсегда, – неожиданно повысил голос Дубов, и усмехаясь чему – то спросил Пашку. – Здесь в тайге, знаешь кто хозяин или нет? Помолчав чуток, он сам себе и ответил. – Медведь здесь хозяин. Это уж точно. И ещё Некрасов заруби себе на носу. В зоне у меня не шалить и в карты не играть, а то плохо будет. Обживёшься, а потом сам поймёшь, что хорошо, а что дерьмо собачье. Определю я тебя, горемычный мой, для начала в фуфловую бригаду, а там видно будет. Первый отряд и шестую бригаду сам найдёшь. Следующий.

Все строения на территории лагеря, были выложены из срубов, знающие мастерами своего дела. В бараках, крепкие деревянные полы, и потолки обшитые фанерой. и всюду, куда не кинешь взгляд, одно сплошное дерево. В жилых помещениях, где спали заключённые, стояли большие каменные печи, типа буржук, где сжигалось огромное кол – во поленьев, загодя сложенное во дворе штабелями. – Здесь, никто не спит, – сказал Пашке, завхоз первого отряда. – Эта нара свободная. Можешь спать внизу, а если хочешь молодой, то спи на вертолёте, как тебе будет удобнее. После обеда, я принесу тебе постельные принадлежности и тумбочку. Так что устраивайся, и живи себе на здоровье. Сегодня все рабочие бригады на долянках. Вот придут они вечером с работы, может и земляки твои сыщутся. После вечерней проверки в барак где отдыхал на наре Некрасов, ввалилась каторжане. Посыпались вопросы – Откуда

щегол, Какой срок, Какая статья???. А один из них, услышав, что Пашка из Свердловска, подошёл к нему, и протягивая руку, сказал ему по – свойски, – Будем знакомы землячок. Фомин моя фамилия, а зовут меня Фомой. Тебе пацан, не годится жить в этом отряде. Шестая бригада не рабочая, а это значит, что питаться ты будешь из общего котла. А на этой баланде, далеко не поедешь. Тебе нужно работать, чтобы деньги были на лицевом счету, чтобы смог ты на них оттовариваться в магазине, и покупать себе курево, чай и продукты. Здесь в тайге, необходимо нормально питаться, иначе потеряешь здоровье, и всякий интерес, к дальнейшей жизни. Гляди, какой ты доходной. Да ещё говоришь, что иск имеется. Не расстраивайся, со временем всё утрясётся. Сегодня я поговорю с Авторитетом, насчёт тебя. Он поможет. А пока пойдём ко мне в отряд, чайку сварим. Я недавно посылку получил из дома. Мать моя, меня подогревает. Дай бог ей здоровья, и не хворать.

Авторитет сидел на табуретке, рядом со своей одноместной нарой, и печитывал газеты, недельной давности, когда Пашка с Фомой, пришли к нему на разговор. На вид ему было лет тридцать, с очень привлекательной русской внешностью. Одет он был, в полугражданский прикид. С первого взгляда, в его движениях, отчётливо проглядывались аристократические манеры поведения, исходящие, прежде всего, от бледной кожи его лица, и пальцев рук, тонких и играющих. – Присаживайтесь мужики, – предложил он им показывая рукой, на соседнюю от себя нару. Коротко расспросил Пашку, откуда он родом, и за какие грехи раскрутился, попав на строгий режим. Услышав историю, про накаутированного режимника, долго хохотал, и чуть было не захлебнулся от смеха. – Молодец парень, что постоял за себя. Другой раз задумается мент, прежде чем, кулаками махать. Потом Авторитет, подозвал к себе какого – то мужика, и попросил его – Слушай Степаныч, найди шустро в соседнем бараке, бугра из ломовой бригады, и волоки его сюда. Волгоградский кажется. Есть такой шельмец. Старик, утвердительно кивнул головой, и засеменял к выходу. Да, видать плохо там жилось, – снова заговорил Авторитет, обращаясь к Пашке. – Видать, ничего там не изменилось, с тех давних пор. Я и сам, по – молодости прошёл через эти ломки, и прекрасно помню Полянского. Говоришь, что начальником зоны стал, а тогда я помню, погоны лейтенанта носил. Начальником отряда у нас ошивался. Гляди, как время бежит Фома. Не успеешь оглянуться, а жизнь твоя прожита, в этих проклятых лагерях. Школа, на выживание. Фомин хотел что – то сказать в ответ, но вдруг появился Волгоградский, и встал, как пень между нарами. – Слухай Василий, – вывел его из оцепенения Авторитет. – Сегодня – же найдёшь нарядчика. А этого паренька, возмёшь себе на работу. Что – бы пахота была полегче. К примеру сучки отшибать, что – ли. А лучше прикрепи его к бульдозеристу, стропильщиком. Чтобы закрыл ему бабки в этом месяце, и последующие тоже. По ходу у него иск имеется, чтобы учитывал это, когда будешь наряды закрывать. Парень он молодой, и ему нужна работа. Что толку ему баклуши бить целыми днями в зоне. С тоски можно подохнуть, а в тайге, он сохранит здоровье и окрепнет. Волгоградский вытащил из своей фуфайки записную книжку, и начал что – то записывать в неё. – Как ваша фамилия? – спросил он у Пашки. – Некрасов Геннадий Павлович. Авторитет улыбнулся, и изрёк, глядя на бугра. – Вот тебе Василий, и некрасовский мужичок. Все дружно, и весело рассмеялись. На другой день Некрасова перевели в другой отряд, и вывели на работу, прикрепив его к бульдозеристу в качестве стропильщика, – помогать валять деревья и грузить их на платформы. Через неделю, Пашка легко освоил навыки своей новой профессии, и даже научился управлять бульдозером. – Пригодится тебе эта профессия сынок на воле, – часто говорил ему бульдозерист Сан – Саныч, привязавшийся к юноше, как к родному. Вечерами после выпитого крепкого чая, Сан – Саныч, сидя на своей наре, впадал в рассуждения, и любил поучать своего напарника. – Жить сынок в тайге, очень сложно, особенно, когда работаешь на чистом воздухе. Здесь, на этой природе всегда хочется жрать, а зимой и подавно. Возникает волчий аппетит, что трудно передать словами. В другие времена года, ягоды и грибов в лесу завались, но зима, будь она проклята – злая и суровая, – не приведи господь. Хозяину Дубову,

чтобы сдать план государству по заготовке леса пришлось, и сколотить ломовые бригады, наподобие нашей, закрыв глаза на некоторые погрешности в режиме. В таких бригадах заключённые работают, как волы, и не дай бог сачковать, ведь убьют мужики. Обычно когда видишь, что все как один пашут, то и сам не захочешь филонить. К тому – же, и чай здесь в тайге первое лекарство. Без чифира встанет вся лесная промышленность в России. Волгоградский, ежемесячно изымает у мужиков на нужды бригады, определённую сумму наличных денег, на которые покупаются с воли мясо, и продукты всякие. Так что мы иногда, сами готовим себе еду, не отходя от костра. Мы и конвой подкармливаем и поим, чтобы не возникали. Через них мы покупаем чай и сигареты, и даже водку. Одним словом – круговая порука. А иначе сынок, где взять в тайге физические силы, на такую напость. Ты Пашка поговори с бригадиром, чтобы он большую часть заработанных твоих денег, начислял на меня. Я отошлю их и свои деньги тоже, жене на волю, а потом она всю сумму назад пришлёт. Знакомый у меня мент, за зоной живёт. Он деньги получит, и пронесёт их через вахту. Мне за это ничего не надо сынок, только отдадим менту по червонцу, когда всё будет в ажуре. Какой тебе толк Пашка, полностью закрываться, ведь уйдут твои деньги на погашение твоего иска, в неизвестном направлении. Оставят тебе в бухгалтерии пятёрку на ларёк, и дело с концом, – всю возмутился бульдозерист. – А за наличку, ты сможешь купить себе всё, что пожелаешь. У нас в бригаде у всех мужиков, есть деньги в кармане. На майские праздники, Некрасов уже имел свою наличность в кармане. Он купил в зоне у шныря, побольше чай и сигареты. Часть из них, Пашка отдал на общак зоны, а другую часть, отнёс Волгоградскому на нужды бригады. Отдавая чай и сигареты бригадиру, Некрасов вытащил из кармана четвертак, и протягивая деньги, сказал бугру – Вот Василий, возьми это. С этого дня я больше не нахлебник у мужиков. Бугор улыбнулся в ответ, и сказал – Молодчина Некрасов. Хочешь жить, – умей и вертеться. На второй день на долянке, он подошёл к знакомому солдату, и заказал ему две бутылки водки. По червонцу за каждый пузырь. Удачно пронёс их в зону, а вечером отослал бутылки Авторитету, за оказанное ему внимание. Впервые в этой зоне, Пашка почувствовал себя повзрослевшим и самостоятельным человеком. Деньги сделали своё дело. Услышав про водку, и непредвиденные расходы своего напарника, Сан – Саныч похвалил его, и как обычно, настроился на поучительную речь. – Ты послушай сынок, что я тебе скажу, потому как, это очень серьёзная вещь в нашей нелёгкой арестанской жизни. Отослал бухалово Авторитету, и правильно сделал. Он, чтобы ты знал, не какой –нибудь там фраер, которых я повидал не мало на своём веку, а человек с большой буквы. Это на вид он выглядит интелгентом, а в преступном мире Авторитет, при всех козырях, и нам мужикам на него молиться надо. Начальник Дубов кто? – на бумаге только. Бухарик, которых свет не видывал. Ему за эти пьянки уже два раза из майоров в капитаны понижали. Хозяин, и в бараки очень редко заглядывает, зная наперёд, что воры в зоне, и что там полный порядок. Хочешь работай, а желаешь отдохнуть пожалуйста, на всё твоя воля. Хочешь в карты играй, но знай чем всё это закончится, если не выплатишь в срок. У нас в четвёртом отряде петушатник переполнен. Там для этих девочек, Дубов швейную мастерскую организовал. Они там круглосуточно рукавички шьют, и в зону им дорога заказана. Работают, как угорелые, – взаперти. Авторитет мужикам, и грубого слова не скажет, и мата не услышишь. А вот когда у них разборки по – серьёзному то в пору хоть уши закладывай. Нам мужикам лучше воровская масть, чем сучья. Сукам волю дай, так они такое натворят, что мало не покажется, как на усиленном режиме, где ты сидел Пашка. Правду я тебе говорю сынок или нет? – Суцая правда, – соглашался с ним Некрасов. – Мне Сан – Саныч здесь намного спокойнее живётся.

Вечерами после отбоя, лёжа на своей наре, Пашка всё чаще вспоминал дом, и своих родных. Ведь кроме матери и сестры, у него в жизни никого не было. Вспоминал, как он с поселковыми пацанами целой ватагой, ходили на танцы во дворец Металургов. Как приставали к девчонкам, как дрались с местными задирами, убегая назад к себе посёлок. Не было у Некрасова на свободе ни любимой девушки, ни заочницы, чтобы писать ей письма, коротая

досуг, и нежить своё молодое воображение. Домой он писал очень редко, и всегда сухо, а чаще ограничивался открытками с поздравлениями на праздники. Вот и сегодня, пришло от матери письмо, где она сообщала, что арестовали самогонщика Силантия, и что на днях у него состоится суд. Следствием доказана его вина за краденные вещи, и что с ребят скоро снимут иск. Эта новость обрадовала Пашку, и вселяла надежду на лучшие перемены в его нелёгкой судьбе – Теперь часть заработанных денег, я смогу отсылать домой, и помогать своей семье, – так размышлял Некрасов, перечитывая в который раз письмо от матери. Только через восемь месяцев, его однажды вызвали в спецчасть зоны, и ознакомили с постановлением суда над Силантием. – Ну и Силантий, – какой пройдоха! – негодовал Пашка. Подглядел всё – таки, что мы там вытворяли на площади. Воспользовался моментом гад, и подвёл нас под монастырь. Это он нас и продал, тогда ментам. Весь иск теперь, на него повесят. Ну, и поделом ему.

Время неумолимо бежало вперёд. За годом следовал другой, приближался третий. Порой Некрасову казалось, что он родился в тайге, и что зона его дом родной. До отбоя он, как и многие другие арестанты смотрел телевизор у себя в отряде, если показывали хороший фильм или спортивные передачи. Изредка ходил в гости к Фоме, но чаще его тянуло в проходняк к Сан – Саньчу. Бульдозерист любил заваривать крепкий, как дёготь чай, и долго не раскачиваясь врубал рычаги своей речи. Обычный монолог начинался приблизительно так, – Человек сынок это странное, и загадочное существо. Народившись на свет божий, каждый индивидум испытывает свою судьбу, независимо от того куда – бы его, не забросила жизнь. Вот и мы с тобой Пашка очутились в тайге, и валим лес, на благо всего человечества. А знаешь – ли ты, сколько спленного кругляка гниёт в тайге, не дождавшись своего потребителя. А сколько ещё леса ушло на дно, по рекам Каме и Оби. Одуреть можно, и не сосчитать. Нам зыкам что от этого. Мы валим лес и гробим тайгу, потому что вынуждены это делать, ведь нормальный человек с воли за маленькую зарплату, не пойдёт в тайгу работать. Вот и используют нас дураков, и вдобавок ко всему хозяин половину заработка забирает. Переносим молча все тяготы и лишения, и глядишь привыкаем, как рабы к скотскому своему существованию. Судьбе Павел всё едино, кому страдать всю жизнь, а кому нежиться на белоснежных простынях в обществе с какой – нибудь красоткой. Так что не отчаивайся сынок, будет и у тебя в руках счастливая лоторея в жизни. Сан – Саньч на секунду умолк, и протянул руку к кисету с махоркой, которая лежала рядом на тумбочке. Закрутив самокрутку, он глубоко затянулся, и как – бы невзначай, заговорил о своих бедах. – Вот не поверишь Павел, но я в этой зоне уже во второй раз. Прошлый срок у меня был два года, а сейчас восьмёрку тарабаню. Если посчитать, то у меня это седьмая ходка выходит. Спрашивается! Ну почему так невезёт мне в жизни?. Порой анализирую свои поступки, и прихожу к выводу сынок, что виною всех моих бед является – алкоголь проклятый. Совестно признаться, но это факт. Да и не только я один такой невезучий. Вот к примеру, если взять наш отряд, и спросить каждого, – За что попал?. А ответ однозначный, – Был пьяный. Процентом девяносто в лагерях сидят мужики порядочные и образованные, и у каждого срока связаны с употреблением спиртного. Жрём водяру до потери пульса, а потом не контролируем свое поведение. Вот к примеру взять мой последний срок. По натуре я мужичок тихий и спокойный, и семьянином был неплохим. Работал я в последние годы на воле столяром на мебельной фабрике. Вплоть до того, что мой портрет висел на проходной на доске почёта. Начальство меня уважало и ценило, как классного специалиста. Украсть, что – нибудь на производстве или бухнуть там, – упаси боже. Два года я там отработал, а глядишь какая вышла петрушка. В пятницу, как сейчас помню, после работы это случилось. Решили мужики выпить по случаю дня рождения нашего коллеги по цеху. Взяли в ларе две бутылки водки, и закусон, и оприходовали всё это в скверике. Четыре человека и две бутылки, – выходит по 250 гр. засадили. Бухнули и домой пошли. Иду я значит, пешком по улице, а кругом апрель чудеса вытворяет. Всё цветёт и аромат стоит душистый, как в раю. И вдруг музыка из кинофильма, – Весна на заречной улице. Гляжу, а на подоконнике незнакомого мне дома, транзистор стоит и играет. Взял дурак,

и пошёл себе дальше. Хозяева кинулись, а музыки нет. Догнали, и стали меня хором колотить. Повалили, и давай, ногами пинать. Ну, это самое, – у меня в кармане стамеска лежала. Вот и поцарапал, одного из них. Спрашивается, – ну зачем мне нужен был этот транзистор, ведь стоил он всего – то семьнадцать рублей?. А в другой раз, тоже пьяный спёр велосипед, и тоже срок дали. Никак не пойму Пашка, откуда по бухе у меня тяга к воровству возникает. Ну, спроси ты меня – зачем мне старому велосипед. Надоели эти лагеря, – спасу нет.

Плохо – ли или хорошо, но срок заключения у нашего героя, перевалил за четыре года, а потом и за пять, что повлекло за собой мучительные переживания и стрессы. Некрасов, стал чаще просыпаться по ночам, и сидя в одиночестве на своей наре, страшно курил и бредил свободой. Интересно, как там дома мать и Анята поживают. Недавно снова отослал им деньги. Получили перевод или нет. Вот будет радость, когда я вернусь домой, – грезилось ему. Через годик на свободу. Скорее – бы конец моим мучениям. Ровно в шесть часов утра, в бараке звенел звонок на подъём. -" Вставай бригада!," – орал завхоз отряда. -" Пошёл к чёрту," – кричали в ответ ему мужики. Заключённые нехотя поднимались, и одевались с вечными расспросами о табаке и чае. После скорого завтрака, бригады строем по пятёркам в ряд, уходили через вахту в тайгу. А остальные заключённые, пересчитывались на платцу рядом со штабом колонии. Вездесущий нарядчик, со своей бухгалтерской доской бегал, как заводной между бригадами, подытоживая общую численность заключённых. Если всё совпадало, то строй на платцу, растворялся в бараках по – бригадно бить баклуши.

Однажды вечером, Некрасов зашёл на посиделки к Фоме, и засиделся там у него допозна. После выпитого чифира обоим абсолютно не хотелось спать. Говорили о многом. Некрасов больше молчал, и слушал излияния своего земляка, который не умолкал, ни на секунду. Речь его была интересная, и поучительная. А самое главное выяснилось, что Фома старше Пашки на целых десять лет, и что сидел он на малолетке вместе с Авторитетом, и даже на усиленном режиме, они оказались рядом. Далее Фомин, совсем неожиданно заявил Пашке. – Освобождаюсь я на днях землячок. Не успел оглянуться, а пятёрки нет. Можешь поздравить меня. – Поздравляю я тебя с освобождением от всей души!, – произнёс Некрасов. – Ты это самое, когда откинешься на следующий год, то заходи ко мне в гости. Рад буду встрече. Я тебе здесь на клочке бумаги адресок напишу, а ты когда придёшь к себе в барак, то для верности перепиши куда –нибудь понадежнее, чтобы не потерял. Найти меня в Свердловске по этому адресу проще простого. Можно запросто запомнить две двойки, а улица Сапёрная.

Через несколько дней, наш герой неожиданно, был приглашён на проводы своего земляка, и не кем –нибудь, а самим Авторитетом. Глубокой ночью, когда Павел крепко спал на своей наре, его разбудил шнырь восьмого отряда, дыхнув ему в лицо спиртовым перегаром. – Это ты будешь Некрасов?. Тебя хочет видеть Авторитет. Одевайся по – шустрому. Там твоему земляку Фоме, устроили проводы. Сам дорогу не найдёшь, потому как они пируют в другом бараке. Пашка быстро оделся, и поспешил за посыльным. Восьмой отряд находился в новом бараке, построенный по указанию Дубова совсем недавно, и был заселён заключёнными не полностью. В самом конце коридора во тьме, виднелась едва заметная дверь, на которую, и показал рукой шнырь. – Там они кайфуют, а я пойду на шухере постою. За праздничным столом в центре восседал сам Авторитет собственной персоной, с корешками и приятелями. Стол ломился от закусок, и всевозможных бутылок с иностранными этикетками. Справа от Авторитета, сидел повеселевший Фомин, и два каких – то парня, которых Павел не знал совсем. По другую сторону стола, ковырался вилкой у себя в тарелке вор Цапля, и карточный шулер по кличке Куш. А остальных пирующих, в таком густом табачном дыму Павел, при всём желании не смог – бы разглядеть. – Проходи Некрасов – произнёс Авторитет. – Бери табуретку, и давай ближе к столу. Вот гуляем и пьём за здоровье твоего земляка. Фома по всем показателям, заслуживает такое внимание. Я его прекрасно знаю, начиная с малолетки и по сегодняшней день. Трудяга Фома, и карманник от бога. Это он, фактически изъявил желание пригласить тебя на свои проводы,

и посидеть по людски. Налейте Некрасову штрафную, и давайте выпьем за всё хорошее. Ты не суетись Некрасов, – вновь он, обратился к Пашке. – Давай закусывай, как надо. Ешь тебе говорят. Наложите ему побольше мясо с картошкой. Пусть жрёт пацан. В просторном помещении, где происходило это торжество, от раскалённой печи было тепло как летом. На потолке горела, всего лишь одна лампочка, а окна смотревшие наружу, были аккуратно завешаны байковыми одеялами. Все меры предосторожности, были соблюдены по всем правилам арестанской жизни. Разговор за столом вёлся непринуждённый, и пустой. Говорили о вольной жизни, деньгах и женщинах. – Опять эти бабы, – возник Авторитет. – Лучше сыграй нам Одесса, что-нибудь душевное, – попросил он, сидевшего рядом с Пашкой чернявого парня, у которого в руках, вдруг появилась гитара. – Сделай нам гибель Титаника. По кайфу эта мелодия. После прозвучавшей мелодии про гибель лайнера, которая почему – то запала в душу Пашке, чернявый одессит слегка настроил гитару, и тихим голосом запел, вертуозно подыгрывая себе аккордами.

Я – бы спел вам,
да голоса нету.
зажевал – бы ваши губы
да нет зубов.
Вы просто мне противны
и к Вам я не поеду.
а помчусь на север
пилить тайгу.

На лесововале жизнь малина
кругом непроходимая тайга
Подругой станет мне рябина
и очень длинная теньга.

Что толку от одних одъятий
меня измучила проклятая нужда
Быть может я легонько спятил
но мне другая жизнь нужна.

Хочу купить себе машину
последней марки кадилак
Солидный с виду я мужчина
и вроде братцы не дурак.

Куплю в Крыму себе хибару
и буду розы разводить.
Мою богатенькую харю
любая сможет полюбить.

Фомин овободился. После его освобождения прошло ещё полгода. Зима сменила лето. Всё это время Некрасов, пребывал в скверном расположении духа. Сильно переживал, вплоть до того, что завёл себе личный календарь, и каждый вечер вычёркивал по деньку из оставшегося срока. В этот злополучный день, начиная с раннего утра, моросил летний дождь, и несмотря на плохую погоду все рабочие бригады очутились на полянках. Весной и летом в тайге дождю, всегда рады. Как правило, особенный восторг, проявляют пожилые мужики и деды. – О сегодня дождь!. Это хорошо!. Ягоды и грибов в этом году, бедет завались. Ну,

какая к чёрту сегодня работа. Погода шепчет, – Достань и выпей. Эй бригадир, – кто то окликнул Волгоградского. – Как ты на это смотришь?. Ближе к обеду охотливые до водочки стали соображать, спрашивая у каждого мужика по возможности. Сан – Саныч слез с бульдозера, и подойдя к Пашке сказал. – Раз мужики просят, то гони и ты сынок свой червонец. Коллектив желает выпить. Дождь, как по заказу прекратился совсем, а на небе заиграло лучами ласковое июльское солнце. Местами на долянке догорали костры, у которых заключённые варили в алюминиевых крушках чифир, и сушили промокшую от дождя робу. Приблизительно через час, рядом с бригадирской каптёркой, уже шла незаметная раздача спиртного. Это солдаты доставили на долянку обед из зоны, где в одном из термосов для борща, находилась купленная мужиками водка. Пили все, и конвой в том числе, закусывая, как и положено, – чем бог послал. От первой неполной крушки, Некрасов опьянел сразу, чувствуя теплоту в желудке, и колокольный перезвон в голове. Ноги в тяжёлых кирзовых ботинках стали, на удивление воздушными. Пашка хотел высказать Сан – Санычу, своё положительное отношение к нему, сказать, что уважает его, как родного отца, и прочие хорошие слова. Но язык у нашего героя, просто – напроосто не слушался его, и присыхал к нёбу. После второй крушки, Некрасову захотелось летать, а если точнее, он погнал гусей не в том направлении. Бульдозерист, пытался несколько раз остановить, и успокоить своего напарника, но Пашку было не удержать. При ходьбе его кидало в разные стороны, и изрядно мутило. – Смотрите, как Пашку штормит. – Нализался некрасовский мужичок, – слышались весёлые возгласы со всех сторон. – Пойду с земляками пообщаюсь, – сказал напоследок Павел, протрезвевшему Сан – Санычу, и поплёлся искать своих свердловчан. Дальнейшие похождения Некрасова, остались, видимо за кадром. Впервые в своей жизни память изменила ему, и отключилась полностью. Водка оказалась сильнее Некрасова. Очнулся наш герой, поздним вечером, спящим на земле возле громадной сосны. Голова трещала, и лопалась попалам. Шевельнулась первая трезвая мысль – Где я нахожусь?. Где все, и где бригада?. Они, наверное снялись, и ушли в зону?. Меня точно ищут менты, как беглеца. Куда я забрёл, – чёрт – бы меня побрал. Неужели я всё время шёл, и не останавливался?.. Некрасов пытался ответить на все эти вопросы, и не мог найти на них ответа. Кроме деревьев, и диких зарослей кустарников, вокруг него ничего не было. Дремучая тайга жила своей таёжной жизнью. В порыве отчаянья, он попытался найти верное направление, и выбраться из леса, назад к зоне, но всё без результата. До самой темноты продолжались его поиски, пока он не выбился из сил, от усталости и пьяного похмелья. Громко кричал на всю тайгу, и звал людей на помощь. – Эй люди помогите!, – орал он, до хрипоты в голосе, пугая всю живность в лесу. Никаких людей, Пашка так и не увидел, и никаких светящихся огней посёлка. В неописуемом изнеможении, Некрасов брякнулся на землю и моментально уснул, провалившись куда – то в проиисподню. На утро наш герой, снова возобновил свои поиски, но быстро устал, смирившись наконец – то с мыслью о безнадёжности своего положения. – Надо идти только в одном направлении, – приказал он себе. – Туда куда заходит солнце. Может выйду, куда – нибудь, – не торчать же мне здесь на месте. Четыре дня Некрасов плутал по тайге, обходя стороной густые непроходимые дебри леса, и валежник на своём пути. Собирал ягоды и утолял голод, находил на дне лесных впадин лужи, и жадно пил мутную дождевую воду. Порой останавливался и кричал, надрывая свой голос. Судьба сыграла с нашим героем злую шутку. Нетрудно человеку пропасть в тайге или стать жертвой волчьей стаи, но госпожа Фортуна, наблюдавшая за Павлом всё это время, проявила сострадание, и пришла к нему на помощь. Вдруг совсем неожиданно, наш беглец набрёл на небольшой ручей, и ковыляя вдоль него, вышел на просторную поляну. Здесь Павел увидел двух бурёнок, которые мирно щипали сочную зелёную траву, перезваниваясь между собой колокольчиками. Пастуха не было, а это говорило о том, что рядом должны находиться люди. При мысли о людях, Некрасова охватил самый настоящий панический ужас, и страх за свою жизнь. Ему почему – то вспомнились лагерные овчарки, и содаты в тяжеленых сапогах. – Как пить дать, натравят на меня псов, – поймал себя на этой сцене бедный Пашка. –

А те впечатаются в меня зубами, и будут рвать в клочья моё тело. А солдаты начнут издеваться, и пинать меня сапогами до потери пульса. Разве им объяснишь, что я не по своей воле отбилсЯ от бригады, и стал беглецом. Ещё и срок добавят твари. Нет – уж перебыются. Назад в зону, я больше не ходок. У ручья он, как мог привёл свой внешний вид в порядок, и очутившись тем временем на просёлочной дороге, смело зашагал навстречу новым приключениям.

Таёжный посёлок, на который набрёл Некрасов, чем – то напоминал ему их лагерное поселение, только деревянных домиков здесь, и всякий строений было намного больше. – Здесь раньше наверное стоял лагерь, а потом его перевели подальше в тайгу – подумал Пашка, видя многочисленные пни точащие везде, и повсюду. Нисколько не тушуясь за свою безопасность, он уверенно зашагал по посёлку, не обращая внимания на прохожих, попадающиеся ему на пути. Прошагав таким пешим макаром несколько улочек, он вдруг очутился перед строением с вывеской – «Сельпо.» Дверь магазина была распахнута настежь.– Здравствуйте!. Добрый день! – громко произнёс Некрасов, приветствуя пожилую продавщицу, сидящую за прилавком.– Вот радость у меня мать. Освободился вчера подчистую. Хочу купить у вас что –нибудь из одежды. Стыдно ходить мне в этих лохмотьях и пугать прохожих. Мне в Пермь добираться, а там у меня мать больная. Приехать не смогла. Ждёт сейчас не дожётся. Продавщица улыбнулась ему в ответ, внутренне радуясь случайному покупателю, чтобы спихнуть ему весёлому залежавшийся товар.– У меня костюмы есть в продаже заграничные, и сорочки, – вон висят на вешалке. Туфли есть хорошие, и разные. Выбирай парень, что тебе понравится, только вот цены кусаются.– Ничего страшного мать, – решил успокоить её Пашка.– Я за весь срок немалые деньги заработал. Могу себе позволить. Костюм покупателю достался на удивление финский, и пришёлся Пашке в самую пору, а вот с обувью, пришлось изрядно повозиться. Отечественные башмаки были грубые и непрактичные. В итоге, выбирая, он купил всё – таки туфли фабрики «Скорород.» Битые полчаса наш герой ухлопал в магазине, выбирая себе одежду, пока не предстал перед зеркалом в новом совершенно облициии. В зеркале отражался, уже не беглый катаржанин, а молодой привлекательный парень с приятной русской внешностью. Единственным и главным недостатком Некрасова на тот момент, была одна немаловажная вещь, а именно, – в кармане у нашего героя не было никаких документов, удостоверяющие его гражданскую личность. Напоследок Пашка купил себе нижнее бельё, галстук и кожаный портфель, куда запихнул все свои покупки, исключая, то что было уже на нём. – И ещё пожалуйста, – попросил он хозяйку магазина. – Мне бы буханку хлеба, и перекусить чего –нибудь в дороге. Да и ещё чуть не забыл, – решил слухавить беглец. – Не подскажите, как удобнее будет добираться до Ныроба. Просто не хочется трястись по узкокалейке, и часами простаивать на переездах. Нервов не хватит. Хочется поскорее уехать в Пермь, и увидеть мать. Продавщица глянула на часы, висевшие на стене над её прилавком, и быстро отреагировала на его просьбу. – А зачем по узкокалейке, когда можно на грузовике, который у нас почту по посёлкам развозит, – успокоила она Некрасова.– Кстати грузовик через час будет возвращаться назад в Ныроб. Попросишь водителя, он и довезёт тебя на кузове. Распотрошив заначку в зыковском кителе, Павел со словами благодарности расплатился с ней, и уходя хотел было захватить свои лохмотья. но продавщица опередила его, сказав, – Сынок оставь их в магазине. Я эту робу потом вынесу вместе с мусором и сожгу. Есть такая примета в народе, чтобы не попадался больше. Вечером того – же дня Некрасов был уже на вокзале г. Ныроба. Поезд до Перми пришёл с опозданием на целых двадцать минут, а потом ещё долго стоял на путях, дожидаясь встречного. В плацкартном вагоне поезда пассажиров почти что не было, и пользуясь случаем, наш беглец выложил на откидной столик продукты, которые купил в привокзальном гастрономе, и приступил к трапезе. От тех рыбных консервов, съеденных в кузове грузовика у Павла в желудке, остались самые прискверные ощущения. – Странное дело, – рассуждал Павел, глотая копчённую колбасу с огурцами. – Все эти четыре дня я практически ничего не жрал, и держался молодцом, а сейчас аппетит, как у моржа. Всё никак насытиться не могу. От обильной пищи, ему вскоре стало дурно, и потя-

нуло на сон. – Откеда будешь,» – спросил его проводник поезда, проходящий по вагону. – " – Отседа я буду», – в такт ему пробурчал Некрасов. В железнодорожной кассе мне сказали, что поезд на Пермь запаздывает, и что я смогу купить билет у проводника, – солгал Некрасов. – Мне, пожалуйста, один билет до Перми. Купив проездной билет наш бедолага, запрыгнул на верхнюю полку вагона, подложив себе под голову портфель, и моментально уснул. Времени и сил у него для дальнейших раздумий, просто не было. Измотанный до придела плутаниями в тайге, Пашка наконец – то очутился на свободе, и опьянённый этим благородным чувством, всё остальное в миг забыл, как кошмарный сон. Поезд до Перми прогудел пару раз, и тронулся с рельс, набирая скорость. За окном навстречу составу, как -бы набегая на боковые стёкла вагона, проскакивали деревянные столбы электропередач, повязанные проводами. Тайга недалеко маячила, как вкопанная, – безразличная ко всему, и не возмутимая. Всю ночь до Перми, Некрасов лежал на полке не просыпаясь. Разбудил его утром, какой – то мужичок, ехавший с ним в одном вагоне. – Проснись парень!. Приехали!. Ну ты дрыхать чемпион. Видно любишь по девкам шастать. Эх молодость!, – тяжело вдохнул он, и поспешил к выходу. Пашка быстро спрыгнул с полки, и последовал за мужиком.

Пермский вокзал, показался Некрасову мрачным и враждебным. Мысль о том, что он в розыске, и что его могу в любую минуту арестовать, заставляла бедного Пашку придать своей внешности деловую озабоченность, и даже изменить походку. Пулей подлетел он к кассам вокзала, и купив билет до Свердловска, с невероятной поспешностью выскочил на улицу, к стоянкам такси. – Мне в город надо. На площадь Ленина, – догадался, что сказать Пашка водителю. До отхода поезда в Свердловск оставалось уйма времени. Побродив немного по городу, он нашёл парикмахерскую, и привёл себя в полный порядок, а затем в кинотеатре «Родина,» посмотрел французскую кинокомедию с участием Луи – Де Фюнеса. После просмотра фильма, его снова потянуло на жратву, и найдя какую-то столовую, он основательно подкрепился в ней, взяв ещё харчей на дорогу. В целом г. Пермь на нашего героя произвёл удручающее впечатление. – Кругом серые каменные дома, как и у нас в Свердловске, – рассуждал Павел. Ничего путного, так и не попало мне на глаза. Только наш город выглядит, мне кажется, намного моложе. Дальнейшее путешествие Некрасова прошло без особых приключений. Вечером следующего дня беглец был уже в г. Свердловске. Тревожные мысли не покидали его, мешая сосредоточиться на самом главном. – Куда идти?, – возникал вопрос. – Идти домой?. Свяжут, как Сталика. К поддельникам, – тоже не вариант. Вот беда, – бушевал Некрасов, пытаюсь найти правильное решение. Вдруг его осенило видение, и он на мгновение увидел свой лагерь и лицо Фомина, который сказал ему улыбаясь. – Заходи ко мне в гости землячок, когда освободишься. Рад буду встречи. Адресок запомнить мой проще – прстого. Пашка напряг свою память, и чуть было не вскрикнул от радости. – Да вспомнил. Он говорил о двух двойках. Два ул. Сапёрная, дом номер два.

Уже смеркалось, когда такси с Некрасовым остановилось в глухом переулке, возле деревянного дома, с высоким забором, и калиткой, на которой висела табличка» Во дворе злая собака.» – Здесь твой адрес. Приехали, – сказал водитель такси. Павел отдал ему деньги за проезд, и выйдя из машины попросил его. Не уезжай. Подожди чуток. Я сейчас быстро. Сказав это, он несколько раз сильно свистнул. На удачу Фома был дома. Они при тусклом свете фонарей, не сразу узнали друг друга. – Это я Некрасов, – радостно воскликнул гость. Не узнаёшь что – ли?. – Пашка, ты – ли это?, – удивился Фома, выйдя к нему на встречу. – Проходи во двор. Не пугайся. У меня собаки, отродясь не было никогда. Вот обрадовал пацан. Отметить надо твой приезд, и поговорить по душам, – тархтел Фомин, пытаюсь окружить вниманием и гостеприимством, своего лагерного приятеля. – Здесь я живу с матерью вдвоём, но сейчас она в отъезде, по своим набожным делам. Проходи не стесняйся в дом. В передней комнате стоял стол и старый диван, на который присел Некрасов, продолжая слушать Фому, не умолкающего, ни на минуту. Соседняя комната оказалась кухней, судя по чайнику, который

свистел там, как милиционер. Хозяин хаты побежал, и быстро вырубил его. Рядом с кухней, находилась ещё одна комнатка, похожая на молельню, где стоял молитвенный алтарь, и иконы с ликами святых, в золотом и серебряном обрамлении. На алтаре виднелись недогоревшие свечи, и кое – какой церковный инвентарь. – Этим иконам цены нет. Кажется восемнадцатый век, если я не ошибаюсь. – Ну рассказывай Пашка, когда освободился?, – спросил его Фомин. – А я вовсе, и не освобождался, а так вышло, – сказал, как отрезал Некрасов. Долго не раскачиваясь, наш герой, поведал Фоме всю правду о своих приключениях, и жалобным голосом стал просить. – Такие вот пироги Фома. Помоги, если сможешь, иначе мне труба. Сам понимаешь. Идти мне некуда. Вот я и решил увидеть тебя, и поговорить. Фомин внимательно посмотрел Пашку, и как – бы, взвешивая ситуацию сказал. – В нашей жизни, что только не бывает. Не вешай нос бродяга. Помогу, чем смогу. Ты наверное голоден. Я сейчас приготовлю ужин на двоих. – Ты погоди Фома, – остановил его Некрасов. – Мне – бы помыться надо. Провонялся я в этой тайге, как последний геолог. У меня, и чистое бельё припасено, на всякий случай. Пока наш герой, скатывал с себя таёжную грязь, хозяин дома колдовал на кухне, готовя еду. Вскоре на кухонном столе, появился белый хлеб, и вездесущая яишница с ветчиной, приготовленная в огромной сковороде. Украшением стола, была бутылка белого болгарского вина, и спелые яблоки, сорванные Фомой ещё утром во дворе своего дома. – Ну давай, садись к столу Пашка. Выпьем за свободу. Порой, и она не совсем свобода, но лучше, чем куковать на нарах в этой проклятой зоне. Это хорошо, что ты не сгинул в тайге. Ведь запросто тебя могли сожрать волки. Повезло тебе землячок, что не унюхали они твой след. Видать фартовый ты. Сказав всё это, Фомин первый осушил свой стакан, и закулив сигарету продолжал. – Я страшно не люблю на воле, вспоминать лагерную жизнь. Что путного я видел в этих лагерях, кроме лишений и страданий. Абсолютно ничего. Вспомню, и начинаю проклинать эти годы утраченные даром. Ты кушай землячок, на меня не смотри. Я недавно до твоего прихода, поел основательно. Наливая вино по пустым стаканам, он продолжил свои излияния. – Если ты замечал Павлуха, то я в зоне всегда жил особняком, потому как по натуре своей, мне ближе одинокий образ жизни. Профессиональному карманнику, не годится водить вокруг себя хороводы, а желательно жить замкнуто, в целях своей – же безопасности. Преступный мир в последнее время, сильно изменился в худшую сторону. Появился рекет, и всякие там группировки. Мне эти перемены в обществе, до ильичёвской лампочки. Намутил Горбатый с этой перестройкой, всё никак народ очухаться не может. Где красные, а где белые, – поди и чёрт не разберёт. Люди говорят, что скоро снова деньги менять будут. В гастрономах, насчёт пожрать давно шаром покати, и что примечательно, все продукты государственного изготовления, прямиком перекочевали в частные кооперативные магазины. Шустрят по колбасе отечественные жида, и бывшие партийные работники. Одним словом Пашка, хаос вокруг беспардонный. Поживёшь пока у меня, а там видно бедет. Да забыл спросить у тебя, как там Авторитет поживает?, – поинтересовался Фома. Ведь срок у него немалый за плечами. По моему, червонец оставался. Некрасов перестал жевать, и поспешил с ответом. – А его Фома после твоего освобождения, кажется в мае, вывезли из лагеря. Слушок прокатился по зоне, что якобы на переследствие. Говорили, что Верховный суд им заинтересовался. Короче толком никто ничего не знает, а так за зоной, теперь Цапля смотрит. Многие шутят и говорят, что он скоро весь лагерный общак, по баракам мужикам раздаст. Да, у него добрая душа, – засмеялся Фомин. Он с пяти лет скитается по свету, даже родителей своих не помнит. С Чёрного моря он, – батумский. Фомин снова предложил Пашке выпить, после чего наш герой, пользуясь паузой, заговорил о своём наболевшем. Как ты думаешь Фома, наверное сейчас, наш начальник Дубов рвёт и мечет, по поводу моего исчезновения?. Сто процентов настучали ему по тылке. Да нет что ты. Не настолько, чтобы ему было больно, – ответил Фома. – Дубову не привыкать. Работа у него такая. Теперь менты будут пасти за твоей хатой, дней двадцать, а потом приставят стукача по соседству, чтобы поглядывал постоянно. Как нарисуешься, так и свяжут. Если останутся с носом, то по верхам доложат,

что сгинул в тайге, а дело твоё в долгий ящик. Но в любом случае, всесоюзный розыск тебе обеспечен, а искать они обязаны беглеца, пока не поймают или – же не найдут твой труп. Главное Пашка, чтобы ты сам не засветился. Глядя, на помрачневшего гостя, Фомин поспешил успокоить его, и обнадёжить. – Не переживай землячок. Бывало и похуже. Прорвёмся. Спать будешь в мамкиной комнате, там и телевизор есть. Холодильник, если жрать захочешь, вот он рядом с тобой стоит. Завтра рано утром, я на работу свалю, погоняю до обеда и вернусь. Ну а ты отдыхай и отсыпайся, как следует. Заодно поинтересуюсь, насчёт ксивы для тебя. Пойдём покажу тебе комнату, где будешь спать. Убрал с кровати лишние подушки и покрывало Фомин, как можно деликатнее предупредил Некрасова, – Слышь Пашка. Хата у меня не палёная. но ты всё – таки лишний раз, во дворе не шастай. Если я говорю, что помогу тебе, так это железно. На то у меня есть свои взгляды на жизнь и убеждения. Беда, – она и есть беда, порой жестокая и неразборчивая. Я человек прямой, и откровенный, и поэтому многие меня ценят и уважают, а гнильё стараюсь по возможности обходить стороной. Ну, на сегодня хватит, – спохватился вдруг Фома. – Замучил я тебя разговорами. Словоохотливый Фомин ушёл к себе, а Пашка, ещё долго не мог прийти в себя, и успокоиться. Несколько раз, он включал телевизор, и снова вырубал его, пытаясь сосредоточиться и уснуть. – Вот навязался я Фоме, рассуждал наш герой. – Свалился, как снежный ком, ему на голову. Кто я ему ни брат, ни сват, а так себе случайный пассажир. В зоне говоили мужики, что Фома нелюдимый и злой, а гляди, как меня встретил, – ни капли фальши, я не заметил в его поведении. – Зачем ему карманнику лишняя головная боль. Другой – бы на его месте, и в дом – бы не пустил. Не зря Авторитет о нём положительно отзывлся. А я кто на самом деле, – ни украсть, ни покараулить?. Самые цветущие годы оставил в тайге, и спрашивается, – за что?. Украл пачку папирос, бутылку водки, и хлеб с колбасой, а заплатил за это пять лет лагеря. Что я знаю вообще из жизни, и как мне жить дальше, – изводил себя Некрасов, понимая, что самостоятельно он, не решит своих проблем, а нужна помощь другого человека. Вот – бы увидеть мать с Анютой. Глянуть – бы разок на них со стороны. Интересно, что скажет Фома по этому поводу.

Проснулся наш герой, в шесть часов утра, как в зоне по звонку. Открыл глаза и несколько минут наслаждался пением птиц, доносившийся со двора, В открытые окна комнаты, где спал Некрасов заглядывали ветви яблони со спелыми плодами. Аромат от них кружил голову вчерашнему катаржанину. – Вот тебе и рай земной, – хотелось крикнуть Пашке. – Что есть на свете лучше свободы, и какой дурак, может сознательно поменять её на колючую проволоку в тайге. Нет в этой стране надо ценить свободу, где за каждый простейший проступок, стараются сделать из тебя настоящего преступника, а потом сгноить в лагерях. Надо прислушиваться к тому, что говорит Фома, и быть рядом с ним, а там будь, что будет. Павел поудобнее подмял под свою голову подушку, и снова уснул, – безмятежно и сладко.

Разбудил его Фомин в три часа дня. – Вставай Пашка умойся и жрать, не то помрёшь с голода. Теперь ты у меня на полном пансионе. Обычно я работаю, с шести часов утра до обеда. Потом покупаю необходимые продукты, и домой. Жду тебя на кухне. Пообедаем вместе. Голоден, как собака. На обед были варёные сардельки с пивом, овощной салат, и снова яшница с ветчиной. Да я запарил сказать тебе вчера, – усмехнулся Фома, усаживая своего гостя за стол. – Отец мой, дай бог ему здоровья, живёт по соседству со мной. У него давно другая семья, а разошлись они с моей матерью лет двадцать тому назад. Ты увидишь его оболдеешь, – здоровый кабан, хоть – бы хны. У пахана трое детей от второго брака. Две девчонки и пацан, которому сейчас десять лет. Мать моя вот, и поэтому стала набожной, и дома не живёт. Предпочитает монастырь. Что там у них произошло по молодости, я не знаю, но с отцом я поддерживаю всегда добрые отношения. Ему семдесят лет, а выглядит как огучик. Каждый год у себя в огороде чеснок выращивает, а потом продаёт на базаре. Хорошие деньги делает. А средняя сестра Ольга ежедневно ко мне в дом заглядывает, и помогает по хозяйству. Ей сейчас пятнадцать, и учится она в техникуме на экономиста. От выпитого пива У Некрасова, слегка раз-

вязался язык, и он уже порядком освоившись, гостеприимством хозяина, заговорил о своём наболевшем. – Послушай Фома. Понимешь какая штука. Всё никак не могу успокоиться, зная наперёд, что хата моя и родные, находятся совсем рядом со мной. Не видел мать и сестру с того дня, когда они были у меня на суде. Может всё – таки ночью проскочить мне на минутку, или каким – нибудь другим образом, дать о себе знать. Павел выжидающим взглядом посмотрел на Фомина, в надежде услышать положительную реакцию на его просьбу. – Нельзя Пашка! Ну никак нельзя, – отрезал Фома. Засветимся и пиши пропало. Зачем рисковать?. В момент обнаружат, и свяжут. Всему своё время. Пусть никто кроме меня не знает, что ты в Сведловске, и что живёшь у меня. Сегодня вечером, как стемнеет поедем в город в один микро – район. Там проживает давнишний мой знакомый, – творчески подкованный типчик, по части ксив и липовых бумажек. Кликуха у него «Чистюля,» а потом к бабам мотанём для разнообразия. С каждым разом всё труднее стало воровать, и конкуренции прибавилось. Кого только не увидишь в садильнике. С утра я обычно еду в аэропорт, а посля обратно до центрального рынка. Бывает и по два раза на день. Люди при нынешней нестабильности, стали намного осторожнее вести себя в общественном транспорте. Буквально двумя руками держат свои кошельки, и не желают расставаться со своими денюшками. Утром сегодня видел своего мента из уголовки, который врубает мне зелёный свет по маршруту. Перекинулся этот капитан со мной несколькими фразами, а потом и говорит, – Что – то ты примелькался Фома за последнее время. Не пора – ли тебе отпуск взять месяца на два. Взял с меня деньги паразит, и расчувствовался. Сделал такую рожу, словно печится о моём благополучии. Я ему Пашка, почти ежедневно, отстёгиваю от своих покупок. Да, и друзьям его, от меня немало денег перепало. Скорее всего, это из Управления интересуются моей скромной персоной, а с теми кашу не сварить. Там эти задницы по мелочам не размениваются. Вечером, когда стемнело, друзья вышли на улицу, и поймав такси, поехали к «Чистюле.» Дорога заняла не более двадцати минут. – Ты посиди немного в машине, а я быстро сбегаю, и всё узнаю, – сказал Фома, и долго не мешкая исчез по направлению к пятиэтажкам. Вернулся он быстро, и отпустив водителя сказал Некрасову. – Пошли. Он ждёт нас и желает зафиксировать твой анфас, для своей личной коллекции. Сказал, что паспорт будет готов завтра. Деньги попросил вперёд, и взял с меня недорого. Хотя можно было ему и не давать. Я ему по старой памяти немало документом подарил, почти что задаром. Чистюля жил на втором этаже в трёхкомнатной квартире бобылём, вместе с кошками и собаками, как в зверинце. Вонь в квартире стояла невероятная. Принял он клиентов в лоджии, которую оборудовал под лабораторию. Здесь было всё разложено по стелажам и полочкам, а на длинном столике помимо всяких пузырьков и колбочек, присутствовал даже микроскоп. Не по годам сгорбленный Чистюля, с неприятными жидовскими глазами, нацепил на шею Некрасову строгий чёрный галстук, и прошепелявил, – Садитесь пожалуйста на стул к стене. Нацелил на клиента объектив «Зенита,» и щёлкнул его два раза. Паспорт будет под фамилией Смирнов Иван Петрович, а сделаю я его сегодня ночью. Приходите ко мне завтра, желательно, утречком, – чуть слышно прошептал жид, и провёл клиентов до входной двери. – Фу ты!. Задохнёшься у этого придурка. А теперь поедем к бабам!, – воскликнул Фома в подъезде. – Тачку надо поймать. Таксисты брат мой народ ненадёжный, – с полуоборота завёлся Фомин. Конечно лучше всего иметь собственного водилу. Эта категория людей по сути своей прогнившая, и поэтому Пашка, в такси никогда не говори о делах. Продадут и глазом не успеешь моргнуть. Разговор в транспорте, и в общественных местах должен быть пустой и несерьёзный. Казалось – бы мелочи жизни, но контролировать себя никогда не помешает. Бог даст, – сделаю из тебя настоящего кошелёшника. А вот и свободное такси, – обрадовался Фома, вытянув руку навстречу тачке. Усаживаясь в машину он попросил водителя, – Нам шеф в сторону вокзала, а по ходу тормознёшь нам возле гастронома на несколько минут. У нашего друга сегодня день рождения. Неудобно заявиться с пустыми руками. Таксист утвердительно кивнул головой, и надавив на газ, вскоре выехал на кольцевую. У привокзального гастронома

Фома выскочил из такси, и устремился за покупками. Вернулся он, на удивление очень быстро. В левой руке Фомин держал целофановый кулёк, добытый всякой всячиной, а другой рукой, прижимал к своей груди, самый обыкновенный арбуз. Пашка вылез из машины, и помог ему с ношей. – Нам теперь шеф мимо вокзала метров двести, и тормознёшь возле первого особняка. Ну народ перестроечный. Давали в гастрономе мароканские апельсины, так меня в толпе бабы чуть не сожрали. Давка там со всех сторон, – скандалят и матом ругаются. Через три квартала Фома попросил водителя остановить такси, и сунув ему деньги сказал на прощанье, – Большое спасибо, что довезли нас. Сдачи не надо. Всего вам самого хорошего. Друзья распределили ношу кому, что нести. При дележе продуктов Некрасову достался арбуз. – Запомни Пашка вежливость с незнакомыми людьми прежде всего. Нам сюда надо. Здесь совсем рядом. – Послушай Фома, – спросил его Некрасов. – А это правда, что в гастрономе давали апельсины, или ты дурачил меня и таксиста.? – Какие там браток апельсины!, – засмеялся Фомин. – Это я ради балдежа ляпнул не подумав. В этом гастрономе кроме трёхлитровых банок с яблочным соком ничерта больше нет. А продукты я купил через одного знакомого азиата, а вышел я на улицу из служебного помещения. А насчёт цитрусов, то они прорастают на Чёрном море. Осенью их там валом. Если честно признаться Пашка, то мне охота мотануть именно туда, чтобы отдохнуть и пожить дикарём. В тех краях, особенно в Сочи, желательно не воровать. Свяжут в момент. Там курорт и надо с девочками гулять. Загорать и в море купаться. Бог даст покажу я тебе эти места, а пока прикрой меня для надобности, через – чур светло здесь на тротуаре. Спёр я кошелек у одного дяденьки в гастрономе. Слишком солидный гусь попался. Фомин вытащил из своего кармана увесистый кошелек, и прикрывая его целофановым кулёком, опорожнил содержимое, оставив себе только наличность. А остальное желательно выбросить, – сказал он поучительно, швырнув от себя лопатник подальше в кусты. Смотри землячок какие особняки строила Советская власть в тридцатые годы. Сплошь гранит и тесанный камень, исключительно всё для начальников, работающих на железной дороге. Впечатляющая картинка. Моя мадам живёт на первом этаже, в первом подъезде. Ждёт меня не дожждётся. Я ей звонил сегодня и сказал, чтобы подругу для тебя приготовила. Твоя тоже рядом проживает, только в другом доме. Короче браток ждут нас замужние женщины. – А где у них сейчас мужья – спросил Некрасов, не взявший в толк. – В разъездах они бедолаги, – донеслось ему в ответ. Не успел Фома надавить на электрический звонок, как дверь широко распахнулась настежь, и молоденькая дама, улыбаясь накрашенными губами пропела конорейкой. – Фомочка, мой золотой, появился!. Проходите ребята в квартиру. Мы тут заждались с Жаной одни. Телевизор вот смотрим. Она почти силком вырвала кулёк из рук Фомы, продолжая щебетать от волнения. – Жанна посмотри кто к нам пришёл. Да не один, а с товарищем. Да смотри какой он молоденький. В проходной показалась вторая мадам с такими -же накрашенными губами, как и у первой, и с такой -же экстравагантной причёской. – Моего друга зовут Иваном, – представил Фома Некрасова. – Прошу любить и жаловать. А я Света, – пропела мелодично хозяйка квартиры. – А это моя соседка, и подруга Жанна, хотя можно попроще Жанет. Проходите в зал, и садитесь к столу, спохватилась вдруг Света. После стольких лет заключения, Некрасов впервые почувствовал близость женщины, но как вести себя в подобных случаях, он не знал. Жанет это заметила, и подойдя к нему приняла арбуз. – Сейчас будут пельмени, – снова заговорила Света. – Дети мои на всё лето уехали в деревню к моим родителям, а наши мужья всё по командировкам шарахаются, – распоясалась хозяйка квартиры, и весело рассмеялась. – Давайте девочки бухнём, – сходу предложил Фома, и не дожидаясь ответа взял со столика из кулёка бутылку «Пшеничной водки,» и наполнил ей стаканы. Выпили без слов, не закусывая. Потом налили, и снова без слов выпили, набросившись на маринованные грибы и малосольные огурчики. Через минут десять из кухни Света принесла на подносе огромную гору пельменей. Налили и снова тяпнули. За столом дамы ухаживали за кавалерами. – Тебе Фомочка педлюжить ещё пельменей?. Попробуй салатик, мой дорогой, из этой тарелочки. Я этот салат сама

приготовила. – А давайте выпьем за любовь, – неожиданно заявила о себе Жанет. – Выпьем, и музыку поставим. После четвёртого стакана засуетились все. Заиграла музыка и голос Пугачихи запел песню на бытовую тему. – Ты мне должен за свет. Ты мне должен за газ, – а потом послышалось. – Я тебя никому не отдам. Жанет пригласила Ивана на танец, и нежно прильнув к его груди своими буферами напевала ему на ухо. – Ты мне должен, – ты мне должен. Потом она уже пьяная, лихо отплясала ламбаду, и заспешила к себе домой. – Ваня ты не проведёшь меня?,» – спросила она Некрасова. Фомин довёл их до двери, и сказал уходящему другу. – Я зайду за тобой завтра, а утром сам заберу у Чистюли ксиву.

На следующий день, Фома заявился, как и обещал к обеду. Разбуженная звонком в дверь, полуобнажённая Жанет, вышла встречать гостя. – Он в спальне спит, как убитый, – молвила она. – Приготовь мне чай, – приказал он ей, и первый прошмыгнул на кухню. Лишь после распития чая, она пошла будить Некрасова. Из спальни послышалось. – Вань вставай, и одевайся. А Вань. За тобой Фома пришёл. На кухне чай пьёт. – Ну и вид у тебя кавалер, – сказал Фомин, – разглядывая Пашку на улице. Поехали домой отсыпаться. Я и сам толком всю ночь не спал. – Ну эти женщины – тарактел Фома, поминутно выскакивая на проезжую часть дороги, пытаюсь остановить любой транспорт. – Ты посмотри Пашка, что она с тобой сделала, разглядывая друга, как следует, – возмущался он. Жалко зеркало нет. Бледный ты весь, как полотно. Выжала из парня все соки. Ну Жанет стерва. Приехав домой, друзья по достоинству оценили работу Чистюли. Паспорт был сделан на совесть. – Да трудно докопаться, – соглашался Фомин, тщательно разглядывая печать на фотографии. – Очень сложно нам лохам определить фальшивку. Возьми Пашка, и очень хорошо запомни даты, как говорят артисты, вживайся в новый свой образ. Для пользы дела, называть я тебя буду, не иначе, а как написано в твоём документе. Ты для меня теперь Смирнов Иван Петрович. С днём рождения тебя землячок. Через несколько дней дёрнем из Свердловска. Для начала съездим в Москву к Бате, а потом махнём в Питер. Там у меня есть дела, сугубо личного характера. – Ну на сегодня достаточно, надо выспаться. Если придёт сестра Ольга, и будет греметь кастрюлями на кухне, то ты не обращай на это внимание. Обычно по субботам, она полы моет у меня в хате, и занимается стиркой. Грязную одежду, которую надо тебе постирать, брось на пол в ванной комнате, возле стиралки. Она без базара всё отстирает. Надо тебе ещё барахла купить, и обновить твой гардероб. И пожалуйста Смирнов, выкини галстук, который ты носишь. Посмотри внимательно, на это произведение советского ширпотреба. На фоне моря пальма, и чайка над волной. Умора. Купим тебе другие, – импортные. Ну и афферисты, – возмущался Фома, и пожелав Пашке сладких сновидений, удалился себе в комнату. Смирнов последовал его примеру.

После продолжительного дневного сна, друзья ужинали на кухне. К столу подавала Ольга. Некрасов сидел смиренно, как оловянный солдатик, приросший к стулу. Такой красавицы, он и во сне никогда не видел – Это Ольга!, – так представил Павлу свою сестру повеселевший Фома. И обращаясь к Ольге добавил. – А это Иван, – друг моего детства. В садике вместе кашу кушали. Вот приехал меня попроведать. Ты что Иван глаза опустил, и не смотришь на неё. Ольга у меня особенной красоты уродилась. И дал ей создатель такие глаза, и ресницы. – Перестань Фома, прошу тебя, – прервала его Ольга. Дай гостю спокойно поесть. Всегда ты так ведёшь себя. Не сердись Ольга, и подойди поближе, – попросил он сестру. Иван близкий мне человек, и стыдиться его не надо. Парень он порядочный, и воспитан в нашем духе. Бог даст, годика через три года поженю вас. – Фома перестань!, – повысила голос девчонка, и по детски топнула ногой. – Срам какой, – смутилась она красивая до обалдения. – Что я такого сказал, – стал оправдываться Фома. – Вон твоя старшая сестра Верка, выскочила замуж за этого паршивого комсомольца, – продолжал куралесить Фомин. – Представляешь Иван, родила ему пацана, а теперь и свету божьему не рада. Разогнали этих комсомольцев, в разные стороны. Многие из них в бизнес подались, а наш зятёк, вместо того чтобы мышей ловить, чухается целыми днями. Ну, не сердись Ольга, давай помиримся. Что я могу поделывать с собой, если говорю

то, что думаю. Потом у Фомы в руке, вдруг появились деньги, и протягивая их сестре он сказал. – Вот Ольга, возьми их в знак примерения. Купишь комсомольскому карапузику, что –нибудь из одежды, а себе справишь пальто и тёплые сапожки, чтобы ноги не мёрзли на занятиях. На днях, мы с Иваном уедем, месяца на три из Свердловска, а ты сестрица поглядывай за хатой, как и раньше. После ужина, Ольга быстро помыла посуду, и ушла к себе домой. – Вот жизнь!, – прикуривая сигарету, задымел Фомин.– Внимательно слушай меня Смирнов, что я тебе о нынешнем хаосе скажу. Ты всё это не успел разглядеть с одного раза, а я после отсидки, уже полгода наблюдаю за этим бесприделом. У меня сложилось, ясное представление о том, что нынче творится вокруг. Короче слушай, и мотай на ус. Чувствую нутром, что Россию в недалёком будущем, ждут большие социальные перемены. Полная перетрубация. Люди, кто поумнее давно пораскинули мозгами, и шустряют по всем направлениям, а у меня, как всегда позднее зажигание. Сейчас везде доллар загулял. Раньше, если мне попадалась валюта, то отдавал её, почти что задаром, спекулянтам разным. Месяца два тому назад, я в аэропорту у одного эфиопа, стащил лопатник с баксами. Пересчитал, а там пять кусков. Думал их продать что – ли, а потом мать у меня конфисковала всю покупку. Она, как раз приезжала, чтобы сыночка попроведать. Она хоть и женщина набожная, но с редким умом и дальновидностью. Забрала у меня баксы, и говорит, – Зачем их продавать сынок, когда это твёрдая валюта. С долларами, всегда можно пробить себе дорогу, в любую дверь. Оставь их у меня на сохранение. Сколько горя, хлебнула она бедная, со мной по судам всяким, и лагерям. Как попаду за решотку, так она тут как тут. Бегает по милициям, и взятки раздаёт. Сколько раз старушка, меня от срока спасала. Сосчитать трудно. Однажды, давно это было, набросилась она на меня с упрёками, и давай поносить на чём свет стоит. – Ты Фома неисправим. Что мне сказать тебе ещё негодник, чтобы бросил воровать, и жил честно, как все нормальные люди. У тебя сынок одна извилина в мозгу, – грех какой не приведи господь. Буду за тебя молиться Фома, чтобы образумился в скором времени. Выслушал я её упрёки, и говорю ей в ответ, – Это с моим то образованием мать. Шутите или нет. Взять мне в руки кирку и лопату, и рыть канализационные траншеи. – Ну нет, извините меня, сыночка вашего ненаглядного. Видно на роду у меня написано. Фомин встал со стула, и стал ходить по кухне, жестекулируя смешно руками. Пашка впервые увидел Фому, таким убеждённым в выборе своего жизненного пути, и вступать с ним в полемику, не имело смысла. – Лучше слушать его, и помалкивать, так будет лучше для меня. Да и что я знаю, и что я могу возразить ему. Ничего я не знаю в этой жизни, – абсолютный ноль. Тем временем голос Фомина, не умолкал ни на минуту. Лекция продолжалась. Преподаватель поехал дальше. Вот многие люди думают, что профессия карманника, недостойное и позорное ремесло. А зародилось воровство Смирнов, давным – давно, ещё в доисторические времена, когда появились на свет первые деньги. У тебя были манеты, а у меня бедного нет. С тех пор деньги, и стали движущим стимулом во взаимоотношениях между людьми, и их благополучии. Способы воровства у людей различные. Порой диву даёшься, в изобретательности, на что способен ум человека, чтобы в конечном итоге, прикарманить чужие деньги. Всё это я говорю тебе Смирнов, чтобы ты имел ясное представление о карманной краже. Запомни, как закон, что карман лоха, – это самый короткий путь, где лежат твои деньги, дожидаясь тебя. Ты думаешь, что я в слепую лезу в чужой карман?. Ошибаешься. Это раньше по молодости, приходилось нырять наугад, не имея навыков ни опыта. Профессионализм в любом деле шлифуется годами, пока человек не достигнет сознания совершенства. Самое главное в нашем ремесле, – это психологический настрой, хладнокровие, трезвый ум и наблюдательность, правильно выбранная позиция, и безусловно, работа пальцев рук. Со временем я научу тебя этому ремеслу. Ведь у меня тоже был учитель. По гроб жизни я ему обязан. Царство ему небесное. А познакомился я с ним, совсем случайно. После малолетки это произошло. Однажды в автобусе я украл кошелёк, а он в свою очередь стащил его у меня. Рюхнул я, что в кармане у меня пусто. Стою дурак дураком, и зыркаю по сторонам, а сам думаю.– Ну кто так сумел меня облопошить, а потом смотрю на заднем

сидении автобуса мужик сидит, и с бабами весело разговаривает. Пасу его, а он на конечной остановке слез, и удаляется по дороге. Догнал я его и говорю, – Дяденька отдайте мне мой кошелёк. А он в ответ, – Какой кошелёк мальчик. Ты наверное больной??. Взял я с мостовой булыжник, и хотел было запустить в него, а он остановился улыбаясь и говорит, – У меня твой кошелёк пацан. На возьми его, – и отдал мне всё до копейки. Пригляделся я видать дяде Коле. Цыган, – кликуха у него была. Ну, и познакомились поближе. Он тогда в автобусе на работу ехал, прорабом пахал на стройке, а заодно значит, нет да нет грабки свои и запускал. Перед смертью в больнице дядя Коля сказал мне, – Обещай мне Фома в будущем исполнить одну мою просьбу. Всё то чему я тебя научил, передай при случае человеку достойному. Одному только, а не многим. Пусть память останется в умении моём и в совершенстве. Вот такие дела, – вздохнул Фома, и умолк, вспоминая наверное образ своего учителя, который был ему в своё время, не меньше, чем крёстным папой. Поздно уже, а спать неохота. Наверное потому что днём мы дрыхали, а послая крепкий чай выпили, – в который раз закуривая, произнёс Фомин. Разбежатся что – ли по нарам. Устал я болтать, толко и слышу свой голос, а от тебя Смирнов, и слова не вытянешь, сидишь и уши развесил. Пашка улыбнулся и стал оправдываться.– Что я могу сказать Фома, в моей жизни не было ничего примечательного. Никаких ярких впечатлений, обсалютно ничего, что могло бы тебя заинтересовать. До семнадцати лет, можно сказать, одно сплошное детство, потом работа слесарем на производстве, где мамка пахала. Вечерняя школа в посёлке, совершеннолетие, и глупая кража в магазине. Правда, я в лагере много книг прочёл, которые попадались мне в руки. Ты ведь знаешь Фома, какая в тайге литература. Много книг Авторитет отдалживал мне почитать. Его кто – то из офицеров коллонии снабжал. Однажды, после вечерней проверки, когда расходились по баракам, он увидел у меня в руке томик Чехова, и попросил его почитать. Когда читаю Чехова, – сказал он. – То каждый раз по новому открываю его талант. Замечательный писатель. Возвращая книгу Авторитет изрёк мне поучительно.– Слушай Некрасов, чтение книг в заключении, кроме пользы, вреда не принесёт. Заходи ко мне, после ужина, я дам почитать тебе что – то новое. Вот так, и завязался мои отношения с Авторитетом, можно сказать, на литературной почве. Послушай Фома, – впервые взял разгон Пашка.– Объясни мне одну вещь, если знаешь, почему у Авторитета такая необычная кликуха. – Необычная говоришь, – переспросил Фомин. – Да всё довольно просто Смирнов. С малолетки она к нему прицепилась. Давнишняя история, так что и не припомнишь все детали. Дай бог мне памяти. Однажды попал к нам на малолетку один малец из пересылочной тюрьмы. Маленький такой, а уже весь в партачках, видать недавно его разрисовали. По ходу стал трепаться, что и сам умеет рисовать и работать тушью. Приготовили мы для этого дела все причиндалы, и пригласили ночью мальчика в кабинет воспитателя. Я значит, Батя московский, Авторитет и дневальный тоже с нами был. Хором стали придумывать себе рисунки. Первый жертвой стал Авторитет, изъявив желание наколоть себе на грудь маленькую воровскую звезду. Мы с Батей стоим рядом и наблюдаем, а заодно держим под контролем коридор, чтобы не спалиться. Видим, что наш художник ничерта не смыслит в этом деле, а линии на звезде кривые и не симметричные. Авторитет лежал на преподавательском столе и губы кусал от боли. Вовремя мальчика Батя остановил кулаком по голове. Слышим дневальный орёт Атас. Застукали нас менты, и всю ночь колотили чем попало. Это художество потом пришлось затушевать, и вместо звезды там у него на груди большими буквами наколото «Авторитет.»

Обычно по утрам Фомин исчезал, а Некрасов шарahalся по дому, не зная чем себя занять, или-же сидел возле окна пялясь на забор и калитку, дожидаясь хозяина. На следующее утро после загула с бабами, Пашка проснулся не шесть, как в зоне, а в десять часов утра. На улице была прекрасная июльская погода. Впервые за столько лет, Некрасов почувствовал, что выспался от всей души, как когда – то в раннем детстве. В спальном комнате, возле кровати на которой спал наш герой, стоял старый комод, на котором тикали настольные часы, дошедшие сюда, наверное с неповских времён. Над часами на стене висели в рамках семейные

фотографии Фоминых, и почётные грамоты выданные главе семейства в соцсоревнованиях. Проснувшись Пашка ещё долго нежился в постели, и не хотел вставать. – Какой кайф!, – сказал он сам себе. – Ни подъёма тебе, ни ментов, а там в зоне одни только замусоленные рожи и невыносимая вонь в бараках. – А баланда, – будь она проклята. А Фома, – какой классный парень!. Смотри как встретил меня. Никакой игры и фальши в его поведении я не заметил. Он теперь мне, за место брата родного, – так приблизительно сформулировал Пашка свои отношения с Фомой, и спрыгив с кровати поплёлся в туалет приводить себя в порядок. Заглянув после сартира на кухню он обнаружил на столе странную записку. – Иван я закончу к три часа дня, а потом поеду на барахолку за шмотками. Вернусь к пяти. Почисть под столом картошку. Придёт Оля. Хочу щи из щавеля, что растёт в огороде. – Ну Фома артист, – рассмеялся Некрасов. Как это можно под столом чистить картошку, и в каждом слове допустил по две ошибки.

Через несколько дней всё было готово к отъезду. Приготовление у друзей прошли на самом высоком уровне. Смирнову поменяли весь гардероб, вплоть до галстука, и теперь наш герой выглядел вполне современным парнем. – Слушай Иван, – заявил ему Фома придя домой накануне отъезда. – Сегодня купил на вокзале билеты до Москвы. Уезжаем через два дня. Подумал я подумал и решил всё – таки воспользоваться отработанным маршрутом. Моква, а потом Пирер. Хотел я с тобой ближе к зиме поехать в Ташкент или в Ростов. Там в этих городах у меня тоже кенты живут. Встретят, как полагается. Раньше и Прибалтика была, но сейчас там нездоровый политический климат. Эти викинги издревле не любили русских, а сейчас и подавно. Ты видел Смирнов, что вчера по телевизору показывали. На Кавказе бушует самая настоящая война, а в Армении хачики, что – то никак не поделить с азергутами. Намутил Мишка Горбатый. Союз фактически распался, а вчерашние коммуяки за власть готовы перегрызть любому горло. Нам с тобой Смирнов наплевать на эти страсти в стране, – добавил Фомин к сказаному. – Нам воевать нескем, и делить нечего. При любом государстве, и при любых правителях воровская масть всегда вне закона, и это никому не переделать. Некрасову на миг вспомнилась зона и Сан -Саныч со свим бульдозером, но туда обратно в тайгу ему очень не хотелось.

Провожала их Ольга, не по годам свим деловая, и четовски привлекательная. Они днём сели в такси, поехавшее прямо к воротам дома, и проехав весь Свердловск на какой – то почтовой станции сели в поезд, уходящий в столицу. Прощаясь Ольга расплакалась, и поцеловала Фому в щёчку, а заодно этой чести удостоился и Некрасов. – Смотри Смирнов, как Ольга нас будто на фронт провожает. Запрыгивай в вагон. Здесь поезд стоит всего лишь две минуты. На душе у Некрасова было муторно и страшно не хотелось уезжать. Расставаясь с Ольгой, он сравнивал себя с настоящим балбесом, что тогда на кухне, когда готовили щи из щавеля, не сказал этой девочке самое главное, что нравится она ему, и прочие хорошие слова. – Может она и сама догадывается, что я питаю к ней серьёзные чувства, – успокоил он себя. – Разве я смог – бы позволить лишнее в доме у Фомы, тем более Ольге, всего лишь пятнадцать лет. Поживём, а там дальше видно будет. Всё – таки в Свердловске у Фомина мне было хорошо и спокойно.

Очутившись в вагоне поезда, друзья без помех прошли в своё купе, и слегка осмотрелись. Некрасов не сразу сообразил, что места у них с повышенной долей комфорта, и что называется это удовольствие «С. В.» – Послушай Фома, и дорого -ли стоят такие места в поезде?, – поинтересовался он у друга. – Да, ерунда послышалось в ответ. – Просто в кассе, когда покупал билеты, мне сказали, что других мест нет. Хотите берите эти. Дуранули, чтобы железной дороге была выручка, да и разница тут всего лишь на червонец. С другой стороны очень даже хорошо, что прокатимся без посторонних в купе. Устраивайся Смирнов поудобнее. Времени у нас для сна, и разговоров будет валом. Фомин вытащил из чемодана свежие газеты, и несколько пёстрых журналов. Полистал их выискивая картинки, а потом не выдержал и сказал. – Почитаем как – нибудь на досуге. В дороге надо просвещаться и пиво глотать. Молодец Ольга, что поло-

жила харчей нам в чемодан, а я думаю, почему он такой тяжёлый. Да и в сумке, что мы затащили в вагон должен быть хлеб, и жигулёвское пиво. Короче мы с тобой Смирнов, упакованы до самой столицы. Не успели друзья разобраться со своими съестными припасами, как в дверях их купе нарисовалась молоденькая блондинка в униформе. – Добрый день молодые люди!, сказала она, улыбнувшись им до ушей. – Прошу ваши билеты. – Пожалуйста мадамзель, – произнёс Фома, приблизившись к ней, как можно поближе. – Вам заносить чай, – снова заговорила она, и заиграла чешуёй. – Да можно и чай тоже, – поехал Фомин, сверля её глазами. – Чай между прочим является божественным напитком, продолжал Фома. – Его тонизирующие свойства благоприятно действуют на организм человека и..– Ну тогда гони пятёрку господин мой хороший!, – грубо перебила она ухажора, вытянув вперёд свою пухленькую ручку. Взяв деньги проводница удалилась прочь. – Ты всё видел и слышал Смирнов?. Ну и как она тебе?. Видел, как блондинка задёргалась и сорвалась с крючка, – никак не унимался Фомин. Вообще в поездах я тебе скажу Иван, бабы работают ушлые и них за бесплатно ничего не возмёшь. Здесь роль играют только филки. Мы ещё поглядим кто кого обскачет, а пока поедим и пивка попьём. После еды и пиво Некрасова потянуло на сон. Глаза у него помутнели и стали слипаться, как у ребёнка. Фома приоткрыл форточку в купе и задымел сигаретой. – Ты что Смирнов уже спать собрался или пиво дало по мозгам?, спросил он его. – Рано спать, а ночью, что собираешься делать. Лучше давай поговорим землячок о вещах более возвышенных. Всё то что я буду тебе говорить имеет непосредственное отношение, к нашей с тобой работе. Поэтому Смирнов ты должен внимательно меня слушать мотать на ус. Для начала мы попробуем работать в паре. Ты будешь подставлять мне клиентов и прикрывать в давке, когда надо. Второе правило, – забирать у меня по необходимости покупки, то есть, говоря нашим языком, – уносить пропульт. Очень важная в нашем воровском деле деталь, – это маяки. Без маяков в переполненном людьми автобусе трудно воровать. В процессе совметной работы напарники должны понимать дру друга без слов, как в немом кино, используя маяки и жесты, когда как придётся. Чтобы украсть кошелёк необходимо знать многие вещи о существовании, которых простой человек и понятия не имеет. Поэтому я заранее хочу тебе кое – что показать и разжевать. Москва – это большой базар, где на каждом углу толпа и давка. Воровать в магазинах и в метро очень сложно, по той простой причине, что легавых там больше, чем лохов. Мур в этом деле съел не одного слона. Иногда в редких случаях можно рискануть, когда ты уже плотно сидишь у клиента на хвосте, и знаешь, что в кармане у него находится неплохая сумма. Надо всегда искать своего лоха, пока не возникнет благоприятный момент для кражи. По ходу пьесы я научу тебя выбивать лопатники у встречных граждан и работать лезвием бритвы. Работа лезвием, – это целое искусство. В России насоящих профессионалов остались еденицы, и помнится мне, пока покойный дядя Коля не мало нервов ухлопал, пока я не освоил его уроки. Работа писака аккуратная и по – своему интересная. В Москве для начала будешь наблюдать со стороны, как я ворую, и по – возможности помогать и оберегать от запалов. С этой минуты ты Смирнов на правах напарника, и доля твоя будет равная по всем правилам. Фомин на секунду умолк, разглядывая пустые пивные бутылки у окна на столике. Потом он перевёл свой взгляд на Пашку и жалобно произнёс. – Что – то в горле пересохло Смирнов. Наверное это от одинокого моего голоса в эфире. Надо промочить голосовые связки пивом. Посмотри там в сумке братан. Опустошив очередную бутылку пиво он снова с полуоборота перешёл на второе дыхание, и продолжил прерванное занятие. Все уроки учителя в купе поезда сводились к одной теме, и имели определённую направленность, связанную с просвещением Некрасова. – Это теория, – говорил ему Фомин. – Ты у меня теперь Смирнов, – слушатель Высшей академии. Без теории практика даст пробуксовку. В недалёком будущем тебя ждёт дипломная работа. Иногда Фома сам объявлял перерыв, и наступало временное затишье. Некрасов в такие минуты сидел у окна, и пялил глаза на пролетающие мимо него однообразные пейзажи русской земли. Раскачивая в такт стука вагонных колёс свою нелёгкую думу. – Вот жизнь, – сетовал он на свою судьбу. – Угораздило

меня тогда на долянке нажраться свиньёй. Гляди, как всё обернулось. Прав был Сан – Саныч, говоря о судьбе человека. Стелятся мне дороги неведомые, и куда они приведут меня одному чёрту известно. Всюду раскинута паутина. Стоило мне шагнуть, и вот уже связан по ногам. Может это и к лучшему, ведь на жизненном пути человека нет никаких указателей. Кто нами руководит, и как его зовут??

Поздно вечером, устав от очередной лекции на тему, где лучше в Москве украсть кошелек Фома шепнул другу. – Схожу – ка я Смирнов в вагон – ресторан, и куплю спиртное, а заодно загляну к нашей проводнице на собеседование Пашка за Фомой входную дверь, и посмотрел на зеркало, разглядывая в нём своё изображение. – Ну и рожа у тебя Смирнов, – выругал он себя. – Какой из тебя карманник?. Тьфу ты – стропильщик проклятый. Даже Мать с Анютой не повидал. Тьфу на тебя ещё разок.

Поход Фомина за спиртным затянулся, и его долго не было. Пашка несколько раз выглядывал в коридор вагона, всерьёз беспокоясь за друга. – Куда он подевался, может случилось, что с ним?, – переживал он стараясь не думать о плохом. Уткнувшись в газету Пашка так и не заметил, как рядом с ним появился Фома с бутылкой шампанского в руке. – Слышь Смирнов, произнёс он, как обычно. – Что – то у нас с билетами не в порядке. Пойдём разбираться с проводницей. Фомин любезно пропустил вперёд Некрасова, и они по коридору двинулись к служебному купе.. Поровнявшись с открытой дверью проводницы Пашка остановился, пытаясь разглядеть блондинку в полутьме. – Проходи первый к ней, – скомандовал Фома, и слегка подтолкнул его в проём. Не успел Некрасов сообразить что – почём, как вдруг дверь за ним задвинулась, и следом в полной темноте послышался щелчок внутреннего замка. – Что стоишь касатик столбняком, – признал Павел певучий голосок проводницы. – Скидай мой хороший джинсы до колен, и держись руками за верхнюю полку, иначе вылетишь в форточку на крутом вираже, – захихикала она. – Надо подчиняться, – сообразил Некрасов.

Ну ты Фома даёшь. С тобой не соскучишься. Ну спасибо тебе удружил – рассыпался в благодарностях Пашка. – Я толком и не понял, где очутился, и на каких небесах не лётал. Такие ощущения трудно передать словами. – То – то Смирнов, знай наших, – произнёс с достоинством Фома. – А я тебе давеча, что говорил?. Деньги, деньги, всюду деньги господа, а без денег жизнь плохая не годится ни хрена.

В столицу приехали в десять часов утра. Погода в Москве стояла превосходная, чувствовалось лето в самом хорошем её проявлении. Не успел поезд толком остановиться, как из вагонов на перон хлынула толпа бегущих людей. Все устремились вперёд, сходу ныряя в подземные переходы, а потом и дальше к автостоянкам такси и к станции метро. На первый взгляд, Некрасову показалось, что эти люди обезумели от страха и бегут, спасаясь от убийственного урагана, который непременно настигнет их и ужокошит всех подряд. – Слышь Смирнов, – услышал он голос Фомина. Понеси мой чемодан, а мне дай твой портфель, и не теряй меня из вида. Схватив портфель маэстро бросился в толпу, налетев там на громадного мужика в шляпе. Потом отрулил от своей жертвы, и сбавил скорость. – Давай налево Смирнов. Кажется зацепил ништяк. Этого борова я ещё в вагон – ресторане приметил. Пошли отсюда к стоянкам такси. Нам ехать всего лишь несколько остановок. Поедем к Виктору Аншукову, которого Батей кличут, если помнишь я тебе о нём говорил. На малолетке вместе сидели. Лучше него в Москве никого нет, – добрейшей души человек.

Нам шеф, до станции метро Приображенское, – бросил Фома таксисту, усаживаясь на заднее сиденье такси. Чемодан можно Смирнов положить в багажник, и садись рядом со мной поболтаем в дороге. Я буду у тебя заместо гида. Сейчас в Москве приезжих намного больше, чем в былые годы. А интересуется их не Красная площадь с Уьяновым, а колбаса и продукты питания. Не до символов нынче в столице, когда жрать нечего. Ну политикины паршивые, довели страну до измора. Прав я водитель или нет?, – переключился Фомин на таксиста. – Сущая правда, – ответил рулевой, и выехав на центральную трёхрядку даванул по газам. Фома

тем временем незаметно от водителя вытащил из кармана своей куртки увесистый бумажник, и убедившись, что там приличная сумма вернул его на прежнее место. – Ну и везучий ты Смирнов, – довольный собой произнёс маэстро.

Очутившись возле станции метро Приображенское друзья нашли телефонный автомат и позвонили Аншуковым. Фомин разговаривая по телефону не переставал смеяться в трубку. – Ну, Татьяна, – вот женщина. Обижается, что не позвонил раньше. Говорит, что Витенька её сейчас на работе, и будет дома только вечером. Обещала позвонить ему, чтобы отпросился с работы пораньше. Досталась Бате жена, и слова не даст вставить. Женщина очень добрая и простая, но по части болтать, – непривзойдённая рекордсменка. Не приведи господь. Ты Смирнов, постарайся, не обращать внимания на её стрекотню. Как заведётся, так остановить просто невозможно, хоть уши закладывай. А в остальном ей цены нет. Готовит вкусно, и знает, как угодить мужу. Живут они в трёхкомнатной квартире, вот в этом громадном здании на первом этаже. Покенали Смирнов. Сейчас Татьяна поди суетится и на стол накрывает. Друзья свернули с тротуата во двор, к подъезду дома, в котором проживало семейство Виктора Аншукова.

– Мы гостям завсегда рады!. Здравствуйте!, – весело захлопала в ладошки Татьяна. – Я Витеньке позвонила на работу. Он так обрадовался. – Понеслась Татьяна, – догадался Некрасов. – Проходите, а вещи оставьте в прихожей, и прямиком на кухню. У нас бо́льшая просторная квартира и мебель новая. Витенька, мой золотой, недавно купил. Как мама твоя поживает Фома?. Мойте руки и садитесь к столу. Вы наверное с дороги устали и голодны. Сейчас я вас накормлю, а потом испеку сладкое, как раз и Витенька мой золотой, подъедет. Он у меня такой умница, – звенела она колокольчиком на все лады. Осенью Витенька снова ездил в Кирай за шмотрами, так эти китайцы продали ему сотню ангоровых кофточек. И вы представляете все они оказались бракованные с маленькими дырочками. Моль пожрала. Так я бедная, каждую дырочку нитками заштопала, чтобы не было видно, – акуратненько так. Снесла их на базар и все, как один продала.

После сытного обеда на огромном кухонном столе у Аншуковых закипел тульский самовар. К чаю было подано клубничное варенье, с румяными булочками домашнего испечения, красная зернистая икра и сливочное масло. Татьяна бегала вокруг стола, и заставляла кушать. Неожиданно послышался звонок в дверь. – К нам кто – то пришёл, – понизив голос сказала хозяйка. – Может это Витенька отпросился с работы, – встревожилась она и побежала открывать дверь. Появился и Аншуков, высокого роста блондин, с полноватой внешностью, и с очень доброй улыбкой на лице. – Здоров Фома!. Рад вас видеть в Москве, – поприветствовал он ребят, протянув им поочерёдно свою богатырскую лапу. Между пожатиями рук Витёк как – то нехорошо посмотрел на Татьяну, – нахмурился и сказал. – Сто процентов замучила она вас своей болтовнёй, и про китайцев наверное успела рассказать. Вовремя я подоспел. – Что ты, что ты Витенька!. Я и слова не успела вымолвить, как ты приехал. Тем временем глава семейства присел к столу, и пристально посмотрел на свою супругу. – Принеси нам водки и стаканы, – сказал он ей. – Мы посидим немного тут и поболтаем. Былое вспомним. – Хорошо Витенька, мой золотой, как скажешь. Воспользовавшись паузой Фомин представил ему Некрасова. – Познакомся Виктор, – это мой кент и напарник Смирнов Иван. Сидели вместе на последней командовке. Не мало горя хлебнул паренёк, не смотря на то что молодой. Да, и в Москве он, в первый раз. Короче нужна нам хата для временного проживания, желательно, в центре Москвы. Снимем её месяца на три, как и раньше. – В центре говоришь, – призадумался Витёк. – Надо позвонить одному маклеру, думаю он всё устроит, а пока давайте выпьем за нашу дружбу и благополучие. – За нашу встречу, – произнёс Фомин. – За встречу, – выдавил из себя Некрасов. Ребята дружно выпили и закусили. А теперь можно и позвонить этому типчику, сказал Аншуков. – Телефончик у меня в записной книжке записан. Я на минуту оставлю вас и позвоню ему из спальни. Через несколько минут Витёк вернулся и сказал ребятам. – Этот маклер, насчёт хаты сам всё пробьёт и позвонит попозже. Не переживай Фома, там такая устрица, что зака-

жешь, то и найдёт в Москве. Давайте бухнём, что – ли. У меня есть хороший тост по поводу вашего приезда. Второй тост был принесён за старых друзей, и за то время, когда они пацанами находились на малолетке. – Представляешь Фома, – возбуждённо говорил Витёк. – Прошлой зимой видел Филиппа и Сако Ванцети. Заезжали меня навестить. Вспоминали многих и тебя в том числе, а недавно провожал Яка в Америку. Женился он на еврейке, а она ему пацана родила. Обещал адрес прислать, но пока ничего нет. Нынче многие наши друзья успели в бизнесе и ездят в Европу на своих мерседесах, а я как неприкаянный всё топчусь на месте. Между тостами вспомнили и Авторитета, и ещё каких – то друзей о которых Некрасов услышал впервые. Из разговоров выяснилось, что Аншуков после малолетки был призван в армию и служил на флоте целых три года. После армии он однажды летом на Чёрном море познакомился с Татьяной, которая в это время проживала вместе с родителями в Абхазии. В итоге влюблённые поженились, и у них в Москве родилась дочь. – Давайте выпьем друзья за родителей, – тяжело вдохнул Аншуков, и залпом осушил свой стакан. – За родителей!, – повторили гости, и тоже залпом дёрнули за воротничок. За тостом следовал тост. Татьяна едва успевала готовить, и подавать на стол. Ближе к вечеру позвонил маклер, насчёт квартиры. Батя записал адреса, и положил трубку. – Есть Фома две хаты. Одна под Москвой, – на электричке надо добираться, а вторая в Сокольниках, думаю последняя вас устроит. Там отдельная двухкомнатная квартира, с мебелью. Хозяйева этой хаты горбатят на севере, и очень редко приезжают в Москву. Лучшего варианта, и не сыскать. Правда дороговато, но есть свои привилегии. Я мог – бы предложить свою дачу, но тоже далековато ехать. Завтра Татьяна найдёт кого – нибудь, чтобы прибрали там в Сокольниках, – полы помыли и прочее, а сегодня вы мои желанные гости. Вечером пришла единственная дочь Аншуковых, высокая неуклюжая студентка, какого – то вуза в столице. Любезно поздоровалась, и прошла к себе в комнату. – У неё сейчас контрольные работы, – в след дочери шепнула Татьяна, адресуя эту информацию, больше Некрасову, нежели Фоме. – Бедненькая, замучилась совсем. Учится хорошо, и родителей почитает. Витенька, мой золотой, денег на её образование не жалеет, и всё ей покупает. Недавно колечко купил дочке с бриллиантом, – просто оболденье. Пашка сидел за столом, и уже не слушал Татьяну. Его занимала сочная мясистая котлета, лежащая на тарелке, перед самым его носом, в которую он, никак не мог попасть вилкой, чтобы нанизить её, и забросить себе в рот. В голове, у нашего героя, шумел камыш, а на душе было тепло и уютно. Татьяна, друзьям постелила в гостиной. Смирнова в полной отключке на диван, а Фоме досталась самая обыкновенная раскладушка, на которой он ёрзал всю ночь, и вскакивал, как припадочный, чтобы утолить жажду. На следующее утро к Аншуковым забежал на минутку маклер. Взял у Фомы деньги за два месяца вперёд, а взамен оставил ему ключи от квартиры.

Жизнь а Москве, в самом её начале, показалась Некрасову самой настоящей пыткой, по той простой причине, что воровать на самом деле, выглядело совсем иначе, чем представлялось теоретически. Фомин просыпался очень рано, и как угорелый носился по квартире. – Вставай Смирнов, – командовал он. – Умываться, и зубы чистить. Возьми утюг, и разгладь рубашку, которую купили тебе вчера в магазине. Галстук выбери себе под цвет рубашки, чтобы выглядел, как огурчик. А я пока, сварю кофе на кухне, и приготовлю завтрак. На пустой желудок, не годится нам целый день, рысачить по Москве. Привыкай землячок, и всё будет нормально. Движения мой друг, и только движения. В Сокольниках нам воровать нельзя, а работать будем в других районах, и чаще пользоваться услугами метро. Тычить будем по все направлениям. Сегодня поедем на автобусе в Домодедово, а завтра во Внуково, а послезавтра сгоняем в Шереметьево, и там тоже отметимся. Выбор в Москве колоссальный. Это прежде всего барахолки, валютные магазины, гумы, цумы, и всякая там хренотень. Главное, не засветиться. Вот вчера, как хорошо сраслось в маршрутке, когда ты Смирнов мне лоха развернул. Особого труда не составило забрать у лоха лопатник. Скоро и сам будешь нырять, а главное, надо набраться смелости, и осилить психологический барьер. Стоит тебе, хоть раз, залезть в чужой карман,

и стянуть кошелёк, так сразу, и поймёшь, как это просто. Мать попрёт, и возникнет личный интерес, и азарт в работе. Ближе к обеду, гонки у друзей по столице заканчивались. – Всё шабаш!, – восклицал Фома. – Излишняя суета, и жадность фраера губит. На сегодня хватит. Устал я до изнеможения, – ног не чувствую. – А ты Смирнов, как себя чувствуешь?, – спрашивал он у Павла. – Преосходно, – слышалось в ответ. – Вся разница Фома в том, что на ногах у меня красовки, а ты лётаешь в старых изношенных макасилах. Вот поэтому ноги твои, и болят. Сколько раз я говорил тебе. Купи себе удобную обувь Фома. – Куплю обязательно. Вот прицепился. Напомнишь мне Смирнов завтра с утра, когда будем на трассе. Но только не красовки. В них стрёмно ходить. А сейчас найдём какую –нибудь харчевню, и пожрём основательно. После домой, и отдыхать до утра. – Послушай Фома, а выходной день в нашей работе имеется или нам не положено?, – пожаловался ему Некрасов. – Уже месяц пролетел, а мы кроме работы ничерта не видим. – Вот завтра, и организуем себе выходной, – пообещал маэстро. Для этого мероприятия нужно пригласить Батю. Он по этой части большой выдумщик и мастак. Возьмём с собой каких –нибудь девиц, и махнём к нему на дачу с ночёвкой. – Поболдеть охота!, – загорелся Фомин.

Вечером на звонок Фомы приехал Аншуков. – Проходи Витёк. Располагайся на диване. Есть пиво и водка, что пожелаешь?, предложил ему Фомин. – Нет, бухать я не буду, хотя можно по стаканчику дёрнуть, – согласился Батя. В последнее время, что – то печень стала пошаливать. – Слышь Смирнов принеси водку, и закуску из холодильника. – Давайте выпьем за Батю, чтобы не болел наш друг, и по бабам чужим не бегал. Кстати Витёк, хотел тебя спросить насчёт женщин, – стал деликатно стелить маэстро. – Мы с напарником решили завтрашний день, посвятить исключительно отдыху, поэтому и позвонили тебе, в надежде, что поможешь нам в этом деле. Бабы нам нужны Витёк, и немного балдежа. Как ты на это смотришь?. – Разве ты не знаешь, что я могу ответить. Зачем спрашиваешь Фома?. Насчёт балдежа, и женщин я хоть в огонь, тем более в такой близкой мне компании. Вам какие женщины нужны, – молоденькие или с опытом дамы?, поинтересовался Аншуков. – Нам без разницы какие. Короче нам нужны Витёк человеческие существа женского пола. Коротко и ясно, – изрёк маэстро улыбаясь. Есть у меня на примете две красавицы, правда не первой свежести. На Киевском вокзале, в кассах работают. Завтра у них по графику выходной. Цыпанём их, чтобы нам далеко не ходить, – предложил свой вариант Витёк. – Одна мадам сочная, как ягодка, а вторая точно вяленая вобла, а я Ленку прихвачу. Она бывшая подруга моей жены, – слегка смутился Батя. – Роман у меня с ней продолжительный, если узнает Татьяна, то мышьяком отравит. – Ну ты даёшь, – удивился Фома. – Не мог удежаться что – ли?, или как?. – Так уж получилось. – стал оправдываться Витёк. – Уехали мои прошлым лктом отдыхать на Чёрное море в Сухуми, а я один остался в Москве. Ну и подвернулась мне эта Ленка со своей духовкой. Пойду я ребята. Мне ещё надо купить мясо для шашлыка, и позвонить моему шефу, чтобы отдолжить у него микроавтобус. Таким табором в такси не уедешь. Завтра после обеда, я вместе с девками, заеду за вами. Скавав всё это, Витёк направился к выходу. Фомин последовал за ним. Провожая Батю, он сунул ему в карман деньги и сказал. – Пусть будут Витёк. А квартирой я очень доволен. Спасибо тебе за хату отдельное. – Какие благодарности Фома. Фильтруй базар старина.

В субботу с утра пораньше, в квартире где проживали друзья начался самый настоящий переполох. Шум стоял невероятный. Кто – то двигал стульями, и вовсю гудел пылесос. Некрасов открыл глаза, и оболдел. Перед ним стоял маэстро, в обнимку с пылесосом. – Вставай Смирнов, до обеда займёмся генеральной уборкой в квартире. Посмотри какая пыль вокруг. Хрестьяне мы или нет. Была – бы здесь Ольга, другое дело. Вставай пошустрее. Друзья общими усилиями смахнули паутину с потолков, и протёрли влажной тряпкой всю мебель в квартире. Потом собрали всё грязное бельё, подлежащее стирке, и встали, как вкопанные у стиральной мшины, не зная на кнопку надавить пальцем. Фомин ворчал, как старый дед, и страшно матерился. – Вот жизнь, – сетовал он на свою неграмотность, и не знание бытовой техники. –

Куда не сунься, веде нужны мозги. Закинули бельё, а как включить не знаем. Тыкай пальцем по все1м кнопкам, и теряй нервы. Слушай Смирнов, может ты волокёшь по – иностранному. Там я видел на кухне в столе инструкцию по эксплуатации, но на русском языке ничерта нет. Машинка эта «Бош,» называется. Сбегай и принеси её сюда. Пашка вернулся с книжкой в ванную и быстро разобрался что к чему. Стиралка заработала. – Здесь всё очень просто в эксплуатации, – сказал другу Павел, коснувшись поверхностно систем программных управлий и компьютерных. тезнологий. Фома слушал своего напарника, не перебивая, а потом не выдержал, и удивлённо спросил его. – Откуда такие познания Смирнов?. Не перестаёшь удивлять меня. Да ты вундекинд какой – то. – Нет Фома, какой из меня вундеркинд. Это я в зоне за пять лет отсидки, немного нахватался по верхам. Мне помимо художественной литературы, иногда попадались технические журналы, которые я с удовольствием читал, и расширял свой кругозор. Думал выйду на свободу, а там прогрес. Хотелось получить образование, и завести семью, а гляди, как всё обернулось с этой пьянкой в тайге. – А ты Фома был женат или нет?, – спросил он у своего друга. – Какая к чёрту жена, какие дети?, – завёлся маэстро. В свои тридцать четыре года, я по совокупности отдал хозяину девять лет жизни. Когда – бы я успел. Ты думаешь я не хотел завязать, и жить, как все нормальные люди, как это хотела моя мать. Глубоко ошибаешься, если так думаешь. Чтобы жить нормально, нам с тобой Смирнов нужна профессия, а я кроме кармана ничему другому не обучен. Да и начинать уже поздно. Поезд ушёл.

На дачу Аншукова компания добиралась около двух часов. Из Сокольников до кольцевой, машина ехала минут сорок, по причине пробок на дорогах. С трудом пробившись, на Вогоградское шоссе микроавтобус пыхтел ещё не меньше часа, пока не свернул влево. Пришлось петлять по бездорожью между дачных строений и садов, пока не выехали на небольшую опушку леса, с великолепным пейзажем на Волгу. – Ах какая красота!, – восхищались женщины. – А берёзы какие здесь нарядные, а рябина во дворе, и красавец клён. Что есть на свете краше -русской природы, – не унимались бабы, умиротворённые идельной тишиной местности и величем Подмосковья. – Скоро станет темнеть, – уточнил по хозяйски Батя. – Я натаскаю дров и разожгу камин. Пошли в хату, – предложил он мужикам. – Слышь Витёк, – подал голос Фомин, вытаскивая из машины увесистый мешковатый кулёк с продуктами. – Ну и хоромы ты здесь себе отгрохал. Когда переделал дачу?. Давно я здесь не был, а ты Смирнов тащи бутылки в дом. Пусть наши женщины, пока побегают по лужайке, и познакомятся поближе, а мы мужики тяпнем по стаканчику. Выпили наспех, не закусывая. Батя выташил из кулька маринованое мясо, и приступил к жарёхе. – Приготовление шашлыка, это привлекательная мужчин, – так начал свою вступительную речь Аншуков. Основную роль в этом деле играет не огонь. а жар от улей. Не маловажная вещь это вытяшка воздуха в камине. Она у меня всегда под контролем, и поэтому, я легко могу изменить температуру, выдаваемого жара и подачу его на шампуры. Недаром я шесть лет проработал поваром в ресторанах по всей Москве. Начиная с парка Горького, а закончил в гостинице Россия. Сказав всё это, Витёк закурил сигарету, и посмотрев на открытые окна кухни, попросил Пашку, – Будь любезен Смирнов, пиGLаси сюда наших красоток. Для них у меня есть не пыльная работёнка. Надо почистить лук, и овежить водой овощи и фрукты, а заодно, когда будешь идти назад, прихвати охапку дров, которые лежат рядом с беседкой под клеёнкой. Ночью здесь у реки вседа прохладно. Во дворе у беседки, до слуха Некрасова донёсся певучий московский говорок. – А вы знаете, – говорила Лена, своим новым подружкам. – Что Долина снова сделала пластическую операцию?. Ах, как она поёт!. Недавно мы с Витей, совсем случайно, попали на её концерт. – Да поёт Лариса сногшибательно, не то что эта, как её там, а Отева кажется, – вмешалась в разговор Ягодка. – А ещё говорят, что Долину, изнасиловали армяне в Ереване. При слове изнасиловали, Вобла встрепенулась, и тоже подала голосок. – Ах какая она счастливая!. А этот Киркоров, – Карузо чёкнутый, позарился на старую Пугачиху. – Извените дамы, но я вынужден прервать вашу беседу. – сказал им Некрасов. – Батя приглашае вас в хату.

Аншуков с Леной и Ягодкой колдовали на кухне, а экстравагантная Вобла, долго не думая, устоилась на диване, рядом с Некрасовым в полулежащей позе. Фомин сидел напротив, в кресле с газетой в руке, и не сводил с Воблы глаз. Глядя на пристальный взгляд Фомы, наш герой, догадался. – Оценивает Воблу, словно хочет забракковать. Намалёванная кукла тем временем изменила позу, подмяв себе под локоть подушку, и задымела. Она двумя пальчиками руки, как английская леди, встряхивала пепел с сигареты в пепельницу, лежащую на полу, не забывая при этом, поворачивая голову в сторону кухни, предвкушая сытный ужин. Фомину, видно надоело пялиться на эту красоту, и найдя на журнальном столике глянцевый журнал, он углубился в картинки. – Заброковал всё – таки, дошло до Некрасова. Посмотрев внимательно на Воблу, наш герой подумал. – Без сомнения, в её внешности, осталось ещё что – женское и привлекательное. Ну, хотя – бы, эти длинные густые волосы, и ноги белые и наверное с гладкой кожей. Но почему у этой кикиморы, такой грустный и задумчивый взгляд?.

Приблизительно через час жратва подоспела. Аншуков, довольный качеством шашлыка, подал на стол поднос с ароматными шампурами. – Наливай. Понеслась. Поехали!!!, – затянул свою песню Фома. – Эх давно мы так не гуляли Витёк. Цены тебе нет дорогой, – расхваливал он хзяина, прожовывая первый кусок мяса. – Оказывается шашлык из свежей баранины не сравним нисчем, – восхитилась Лена. – Если вы заметили, водка обсалютно не чувсуется, – сказала с пафосом Вобла. – Я уже третий стакан опрокинула, а кайфа никакого. Ранообразие блюд и закусок придавало пиршеству особенный азарт. Все были голодны и жрали с волчьим аппетитом На правах томады за столом, Витёк, как гостеприимный хозяин, поднимал бокал и говорил, подражая кавказцам свои излюбленные тосты. – Выпьем друзья за женщин, за их нежные и чуткие сердца, а кто не выпьет, того я зарезу кинжалом, – смешил он гостей, и те смеялись. Иногда Батя вскакивал из – за стола, и вместе с Леной летел на кухню за очередным деликатесом, обновляя стол чистыми приборами. Последними подоспели котлеты по киевски с жареной картошкой, и осетрина с заморскими приправами, запечённая в духовке, к которой так и никто не притронулся. – Выпьем за тех, кто в море, чтоб им там икнулось!, – не унимался Витёк. – За братьев наших и сестёр!, – изрёк в оконцовке хозяин дачи, и объявил всей компании танцы. Хором отодвинули диван, и кресла в сторону. Ягодка врубила Элвиса, и понеслась хмельная пляска. Аншуков пригласил Лену на танец, и стал прыгать вместе с ней, смешно дрыгая ногами. Фомин лодочкой подплыл к Ягодке, и зарокенролил её в самый угол гостиной. Некрасов, так и остался сидеть за столом вместе с кикиморой, играя роль ооновского наблюдателя. – Послушайте Смирнов, совсем неожиданно, заговорила Вобла. – Хотите попробовать мой фирменный коктейль?. Называется он «Жемчужные глазки.» Сейчас я раскрою вам секрет его приготовления. Для этого нужно в гранёный стакан, налить немного французского коньяка «Наполеон,» и столько же водки «Смирнов.» Потом ету смесь перемешать, и добавить туда, десять капель укусной эсенции. Затем выдавить туда полтюбика зубной импортной пасты, добавить воды и снова перемешать, и напиток готов. После такого коктейля у меня всегда затяжной кайф, и пятки чешутся. Сказав всю эту чушь Вобла мило улыбнулась Некрасову и повеселела. Обалдевший Пашка снова посмотрел на Воблу, и почему то тоже улыбнулся ей в ответ. – Давай крошка, делай свой коктейль. Будь, что будет. Под занавесь гуляния, внезапно исчезли Фома и Ягодка. – Наверное они в сауне?, – вычил Некрасов. Аншуков, пьяный в дымину, сидел в одиночестве на кухне, обгладывая телячью кость, а его прекрасная Елена всё крутилась у музыкального центра, подбирая мелодию себе на вкус. Послышалась старая, некогда модная песня, и хриплый баритон затянул, «Бесаме бесамемучо.» Отреагировав на мелодию Батя бросил недогрызанную кость, и шагнул из кухни в гостиную. Подойдя к Лене он схватил её за талию, и обняв, утащил к себе в спальню. – Пойдёмте потанцуем, – предложил Павел Вобле. – Я не хочу Смирнов, – резко ответила она. – У меня на подходе сейчас танец живота. Пойдёмте лучше спать милоч. Я буду ждать вас наверху. Сказав это, она поплелась к винтовой леснице, чтобы подняться на второй этаж. Павел выключил аппаратуру, и поспешил за Воблой

на чедак. Кто бы мог подумать, что жизнь Некрасова в Мокве, станет для него таким серьёзным университетом. Обучение наукам карманной кражи проходило поэтапно и весьма успешно. – Всё хорош Смирнов. Теория закончилась, таперь будешь сдавать экзамены по специальности, – твердил Фомин.– Полтора месяца учёбы это немалый срок, а через годик я сделаю из тебя настоящего вертуоза. Пора нам браток дёргать из Москвы. Потусуемся ещё с неделю, и в Питер рванём. Там тоже сейчас барахолки на каждом шагу, и иностранцев не меньше. Кстати насчёт иностранцев пришлось. Надыбал я здесь в Москве место для нашей работы. Прямо кландайк какой то, – давка там с утра невообразимая. Это ряд посольств некоторых зарубежных стран. Так там наши граждане из кожи вон лезут, чтобы добыть себе визу, и выезд за рубеж. Между – прочим у каждого из них немалая валюта в кармане. Мент один только у ворот посольства, и никакого ментовского контроля. Собирается там харь двести и проут на ворота, как стадо буй-волов. Не упрвляемые все и злые, как собаки. Вообще я заметил Смирнов, что легавые в Москве стали намного прохладнее работать. Хаос в нашей стране, и здесь сказывается. Нам с тобой наши денюшки надо срочно поменять на твёрдую валюту, иначе Горбатый опять какой – нибудь кекус вымочит. Видел по телевизору новую пятёрку показывали. Что ни царь в стране, то новые купюры.

Жизнь каждого человека переполнена всевозможными событиями, которые откладываются в его черепной коробке, как в ящик, – так называемую копилку памяти. Простая обыденная информация, и события ничего не значущие, со временем стираются из копилки, уступая место новым поступлениям. Но бывают события особого рода, которые человек помнит, и живёт с ними всю свою жизнь. К числу таких исключений, Некрасов причислил и этот день, кода ему пришлось в Москве, украсть свой первый кошелёк. В восемь часов утра у Турецкого посольства, моросил мелкий сентябрьский дождь. У входа в миссию стояла большая деревянная будка, в которой прятался от дождя дежурный офицер. Не успели друзья подойти к варотам, как их остановил какой – то мужик в грузинской фурашке. В руке он держал тетрадку, и простой карандаш. – Вам в посольство?, – спросил кацо. – Да нам нужно продлить визу и поставить печать, – нашёл, что ответить Фомин. – Здесь живая очередь, – напирал мужик. – Запускать будут в девять. Как ваши фамилии?. – Я петров, а это Серов, – срифмировал Фома. Мужик записал их в тетрадку и сказал. – Вы будете девяносто седьмой, а приятель ваш девяносто восьмой. Ляпнув это, кацо отчалил и юркнул в подъезд близстоящего здания. Ребята тоже отошли от ворот на противоположную сторону, и спрятались от дождя под навес. – Посмотришь Смирнов, что здесь будет твориться через полчаса. Попрут, как тараканы из всех щелей пачками, а потом всем стосом на эти железные ворота, как при штурме Зимнего дворца. Работать будем поотдельности, каждый за себя. Можешь считать, что это твой вступительный экзамен. Знай наверняка, что в этой давке, в оновном будут спекулянты всех мастей, которые ездят за товаром в Турцию, а потом продают шмастьё втридорого по всей стране нашей необъятной. Все они приезжие, и поэтому деньги у них, всегда при себе. Желаю тебе Смирнов удачи, – закрутил Фома с информацией, и закурил сигарету, переживая за напарника. Ровно без двадцати минут девять, у ворот посольства, рядом с будкой милиционера образовалась огромная человеческая очередь. Вначале она была длинная и управляемая, но к девяти, там вдруг всё перемешалось и завертелось. Пускали в калитку по три человека, выкрикивая фамилии по списку. Пробриться к калитке было просто невозможно. – Покенали Смирнов, – скомандовал Фомин.– Врезайся в толпу и шуруй локтями, как турецкоподанный. Намацывай, что покрупнее, а я своего уже припас. Если что буду ждть тебя у Детского мира до десяти часов утра, – сказав это Фома дал на хода, и смешался с толпой. Несколько минут у Некрасова ноги тряслись, и подгибались в коленях. Мозг был пассивен, и отключён полностью, но далёкие мысли, что надо украсть, что Фома не простит порожняка, заставляла его действовать и импровизировать. Сзади воришку, кто то держал за плечо и больно давил пальцами, а сбоку, какая то тучная дама тыкала в ухо Пашке сумкой, пытаясь пробраться к воротам. Спереди у Некрасова оказался парень в кожаной

куртке, с бараньей шевелюрой на голове. Момент и начинающий карманник просунул свою руку под локоть кучерявого и намазал там твёрдый предмет. – Забери его дурак – приказал он себе. Ещё один напор сзади, и Павел наглым образом отнял у человека лопатник. Не меньших усилий стоило Некрасову засунуть попку себе в карман, и выбраться из опасной зоны. Фомина поблизости не было. – Он наверное продливает спекулянтам визы, – пошутил про себя наш герой, и радостный от пережитого волнения и удачи, устремился со всех ног к станции метро. На поверку в бумажнике, Некрасов обнаружил несколько справок, и заграничный паспорт на имя Сулейманова, а самое главное, там лежали деньги, – шестьсот долларов зелёными. Найдя возле Детского мира почтовый ящик он забросил туда не нужные ему документы, а пустой бумажник не заметно выбросил в урну. Фомин подошёл к десяти, как и обещал. – Ну как Смирнов. Как жизнь, как дела??, – первым делом спросил он. – Вижу, что зацепил. – Шестьсот зелёными, – не удержался Пашка. – Я не стал там долго маячить, и сразу дал на хода. – Правильно сделал, что свинтил, – похвалил его учитель. Поздравляю тебя Смирнов с первой. Надо бы отметить это дело. Сегодня, и мне тоже подфартило. Пошли братан. Нам надо найти одно кафе на Калининском, а потом поедем отдыхать. В этом кафе на проспекте, раньше собирался весь цвет преступной элиты Москвы. Может встретим там старых знакомых или питерских втыкал наркоманов. Хочу узнать какая атмосфера в Питере. Нынче новая мода пошла в воровской среде, что ни каманник, то наркоман. Скольких знаменитостей погубило это зелье, трудно сосчитать. Зараза, – будь она проклята. В кафе, на Калининском проспекте, Некрасову так и не удалось побывать. Загрузив напарника продуктами, маэстро отправил его домой. – Не стоит тебе Смирнов, лишний раз рисоваться в значных местах. Я быстро управлюсь. Ровно через неделю, после первой карманной кражи Некрасова, друзья в спешном порядке собрали свои шмотки, и укатили на Ленинградский вокзал. Провожал их Батя собственной персоной. – Ну давай Фома, – держи пятюнчик. И ты Смирнов не забывай. Удачи вам. Заходите, если будете в Москве или звоните, если нужна будет вам моя помощь. И ещё Фома, если что было не так, то не обессуть старого друга, – стал вдруг оправдываться Батя. – Понимаешь у меня семья, и работа на этом чёртовом складе. Вечная неудовлетворённость жизнью, что порой возникает желание бросить всё, и укатить куда –нибудь подальше от этой суеты, и денежных проблем. Но с другой стороны люблю я Москву, как мать родную, – не в шутку расчувствовался Витёк. – Как уеду из столицы, так через пару дней домой тянет. Ну я пойду ребята. Всего вам самого хорошего. Вскоре его тучная фигура смешалась с толпой, и исчезла с перона.

На путях друзей поджидал скоростной экспрес, «Красная стрела,» курсирующий из Москвы в Питер и обратно. – Пойдём Смирнов искать свои места. Какой то горький осадок у меня на душе, – произнёс Фома. – Это всё из – за Бати. Когда расстанусь с ним, то всегда охота смахнуть слезу. Добрый он, и очень порядочный руссак. Таких людей очень мало на этом белом свете. Дай бог ему здоровья. Пошли быстрее, скоро объявят отправленье. Приятная будет поздка. Комфорт на высшем уровне.

В Питер кенты попали утром следующего дня, и взяв такси с вокзала поехали в город. – Шеф отвези нас на Васильевский остров, – попросил таксиста Фомин. – Нам нужен стадион им. Кирова. Там у центрального входа на стадион нас и выбросишь.. Что -то шеф прохладно у вас в Питере. Солнце светит, а ничерта не греет. Некрасов сидел в такси задумчивый и грустный, не обращая никакого внимания на пустую болтовню своего учителя. Ему в данный момент было не до погоды. – Настроение у меня ноль, под стать этой питерской погоде, – рассуждал он с раздражением. – Разве стоило уезжать из Москвы. Менять хрен на редьку. Впереди осень и зима, а моего друга потянуло на север. Маэстро неугомонный в своих решениях. Энергии в нём, хоть отбавляй, а мне по нраву спокойная и привычная жизнь. Порой мне кажется, что в нём сидит бес, и погоняет им всё время. Другой на его месте загулял бы давно, а этот всё копит и копит. В Москве на все наши бабки купил через Батю доллары, и свой матери отправил в Суздаль. Моя доля тоже туда укатила. Хотя какая к чёрту доля?. Свинья я неблагодар-

ная, – устыдился Некрасов своих мятежных мыслей. – Постоянно звонит в Суздаль матери, а мне не разрешил даже письмо чиркануть домой. Всё никак не мог успокоится Павел, пытаюсь перебороть в себе противоречивые мысли. – Может оно и лучшему, – стал потихоньку оттаивать наш герой. – Поди и разбери. Фомин сидел спереди и тоже молчал. – Питер, – это вторая Венеция!, – не выдержал всё – таки маэстро. – Чувствуется Петра творенье. Здесь и творили многие великие люди., и Пушкин в том числе. Судьба этого города историчекая, – понёс и поехал Фома, вой в роль знатока русской истории. Чтобы построить город на болоте, – продолжал он не умолкая. – Сюда батюшкой Петром сгонялся мастеровой люд со всей России., а сколько крепостных крестьян полегли здесь костями, одному богу извесно. А в блокаду во время войны с фрицами, поэтому Питер город особенный для русского человек, отмеченый славой и несчастьями одновременно, какие только есть на этом свете. А белые ночи, чего стоят. А Невский проспект, а каналы, оболдеть можно. Повезло нам с тобой Смирнов, что командировку нам в управлении дали сюда, а не в Тюмень, как в прошлый раз, – загнул напоследок Фомин.

Фрау Циммерлихт.

Гертруда Оттовна Цимерлихт, в девичестве Крафт, была по происхождению чистокровной немкой. Предки Гертруды, ещё задолго до появления её на свет проживали, как и многие другие немецкие семьи, на берегах реки Волга. В годы второй мировой войны немцев с Поволжья по указу свыше репресировали и выслали в бескрайние степи Средней Азии. Расселяли немцев в основном в сельской местности. – Вы начинаете новую жизнь на голом месте – говорили несчастным чекисты. – Народ вы умный и трудолюбивый, так что в скором времени заживёте, не хуже, чем в раю. Война продолжается и товарищ Сталин не потерпит за своей спиной ещё одного врага. Коротко и ясно.

Семейство Крафт по распределению попало в Джамбульскую область Казахстана, где им и другим немецким семьям надлежало организовать совхоз, который окрестили Петровкой. В начале семидесятых годов глава семейства всеми уважаемый немец Отто Крафт значился в совхозе главным зоотехником на совхозной свиноферме. Он неоднократно поощрался своим начальством, в виде денежных премий за передовые технологии в хозяйстве. Впервые в истории животноводства Казахстана свиноматки Крафта приносили приплод до пятнадцати поросят каждая, а иногда и больше. У себя дома на приусадебном участке Отто построил собственный свинарник, где содержал породистых свиней, добавляя им в корм, какие то психотропные добавки. Окормленные свиньи, окабанев, так и прыгали под нож, и поэтому зоотехник рядом со свинарником соорудил коптилку для изготовления капчёной колбасы. Певоклассная продукция Крафта пользовалась повышенным спросом, на цетральном рынке г. Джамбула, и высоко ценилась некоторыми представителями власти в совхозе, и в области. Его колбасные изделия неоднократно выставлялись на выставках в Казахстане, а однажды побывали даже в Москве на В. Д. Н. Х. После московской выставки, ровно через девять месяцев в семье прославленного колбасника на свет появился ангельский ребёнок женского пола, которую нарекли Гертрудой. Ангельский ребёнок рос и подростал, как стебелёк розы на аранжерейной грядке целых семнадцать лет. Бутоны розы, полный грёз и очарованья. Можно было ясно себе представить будущее этого цветочка, если бы однажды на оранжерейной грядке не появился ангел с погонами капитана – лейтенанта первого ранга Военно – морского флота. Им оказался сын соседей в совхозе Генрих Адольфович Циммерлихт, приехавший навестить свою мать из Ленинграда. – Ты видел Отто, сынок нашего соседа заявился. И это после стольких лет. Даже на похоронах отца своего не был, – съязвила фрау Крафт, обращаясь к своему супругу. – Видел я его и разговаривал с ним сегодня у магазина, – ответил ей зоотехник. Жена у Генриха умерла в прошлом году, и сына оставила сиротой. Жаловался на жизнь, что мальчишка без присмотра растёт. Он ведь на военной службе. Сказал, что работа у него хорошая, и деньги лопатой гребёт. Живёт в центре Ленинграда в четырёхкомнатной квартире со всеми удобствами. Из разговора, как я понял на нашу Герту намекал. – Да что ты!. Майн гот!, – взвыла фрау Крафт. – Да он в отцы годится

нашей девочке. Вот негодай!, – выругалась она по – немецки. Супруги в считанные минуты установили возраст предполагаемого жениха, и даже вычислили день его рождения. Как бы там не было, но ровно через неделю, в доме зоотехника при малом стечении народа отыгралась свадьба, а через пару дней молодые уехали в Ленинград, обустроить свою совместную жизнь. В ту пору Генрих Адольфович Циммерлихт работал в каком – то секретном институте, связанным с Военно – морским ведомством. Ему, как ведущему инженеру к.б., приходилось курировать заказы Флота, а так – же вести исследовательскую работу, и доводить результаты до заказчика. Присутствие Генриха на испытаниях новейших видов вооружений Флота, и было причиной его отсутствия на похоронах своего родителя. На телеграмму по месту жительства из Казахстана никто не обратил внимания. Но с другой стороны чиновники из ведомства высоко ценили башкавитого немца, оказывая ему продвижение по службе и поощряли его премиями. Гертруда каталась, как сыр в масле.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.